

Александр Окунь
Игорь Миронович Губерман
Путеводитель по стране сионских мудрецов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590475

*Путеводитель по стране сионских мудрецов / Игорь Губерман, Александр Окунь. : Эксмо; Москва;
2011
ISBN 978-5-699-46691-7*

Аннотация

Великолепный писатель Игорь Губерман и художник Александр Окунь давно дружат и творят вместе. Так давно, что Окунь теперь блестяще владеет словом, а Губерман вполне может стать художником.

Созданный Губерманом и Окунем «Путеводитель по стране сионских мудрецов» – книга во всех отношениях необыкновенная. Это не навязчивый туристический буклет, по которому можно методично пересечь Израиль вдоль и поперек, но – литературно-художественный пассаж, по которому, даже ни разу не съездив в Израиль, можно узнать о нем все – и даже больше.

История, религия, политика, экономика, легенды, байки, анекдоты, война, искусство – все перемешано здесь по воле творцов. Любой, кто испытывает интерес к древней земле пророков, сможет почерпнуть из этой книги массу познавательных, забавных и поучительных сведений, вдохновляющих на посещение Святой земли.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	46
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Игорь Губерман, Александр Окунь

Путеводитель по стране сионских мудрецов

Посвящается нашим родителям

*Авторы приносят глубокую благодарность за неоценимую
помощь при написании книги:*

*д-ру Ицику Авербуху,
д-ру Маше Галеви,
проф. Аркадию Горенштейну,
Борису Камянову (Авни),
д-ру Вениамину Лукину,
д-ру Алле Михилевой,
Даниэлю Мишурусу,
проф. Амнону Селе,
д-ру Владимиру Фромеру,
проф. Евгению Шацкому,
проф. Шалому Рикману*

Предисловие

*Я намекнул на то, что путеводитель бывает интересно читать.
Хескет Пирсон*

Как известно, людям свойственно ошибаться. Далее приходит осознание ошибки, сожаление, раскаяние, досада и другие мрачные переживания. Однако же никто, находясь в здравом уме и обладая хоть минимальной способностью предвидеть результат, сознательно впросак не попадает. И не затевает предприятие без всяких шансов на успех. А ежели такая личность и находится, то зоркая публика немедленно заметит легкомыслие, а то и заподозрит умственную неполноценность. Единственное, что может если не оправдать, то извинить таких неосмотрительных людей, так это тот факт, что сами они изначально во весь голос честно и печально говорят: вот мы, такие и сякие, вознамерились совершить поступок глупый, обреченный и провальный – берегитесь и держитесь в стороне!

Увы, но именно об этом и хотят предупредить читателя авторы сего труда. Нагло и безответственно взялись они за дело, явно и заведомо неосуществимое: объять необъятное, определить словами то, что никакому определению не поддается, описать нечто хотя и существующее, но непонятно как и даже где.

Все вышесказанное – вовсе не кокетство и совсем не творческий прием, чтобы привлечь внимание и благосклонность публики. Это искреннее признание авторов, чьи легкомыслие и верхоглядство справедливо осуждались уже много раз друзьями, родственниками и бесчисленным количеством доброжелательных знакомых. И они все правы безусловно. Судите сами.

Какой нормальный человек возьмется писать о государстве, чье право на существование отрицается даже частью граждан этого государства? О стране, лишенной общепризнанных границ и собственной конституции? О народе, который в строгом смысле этого слова просто не существует, но уже многие столетия упрямо раздражает население планеты? Как

писать о стране, в которой все двоятся (в лучшем случае), и понять, что истинно, а что фантомно, удастся вовсе не всегда?

Какой, к примеру, Иерусалим реальнее – земной или небесный? А кстати, если уж мы упомянули Иерусалим: его столицей государства признают лишь граждане Израиля (при том не все), а остальное население планеты числит в качестве столицы Тель-Авив. Озеро на севере страны – как оно называется: Кинерет, Генисаретское озеро или все-таки Галилейское море? Даже Голгофы две – какая из них истинная? Как писать о стране, в которой один не согласен с другим и оба – со всеми остальными? О стране, на крохотном пространстве которой живут представители десятков ответвлений христианства, мусульмане, друзы и евреи самых разных национальностей (ибо каждый еврей – яркий образец того народа, среди которого он вырос)? И каждый считает эту страну исконно своей, и у каждого она иная, чем у остальных, а постоянный и безысходный конфликт этой крохотной страны с огромным мусульманским миром точнее всех описал римский папа Пий VI: у проблемы этой, сказал папа, есть два решения – реальное, если вмешается Господь, и фантастическое, если стороны договорятся.

Почему же авторы берутся все-таки за это безнадежное предприятие? Во-первых, по причинам, честно изложенным выше. А во-вторых, потому что жизнь в этой балаганистой, шумной, суматошной и опасной стране доставляет им немыслимое наслаждение, которым они рады поделиться с другими легкомысленными и не слишком умудренными людьми, которых, слава Богу, еще много в наш рациональный и разумный век.

И наконец, последнее предупреждение. Однажды кто-то очень верно заметил, что автор, черпающий сведения из одной только книги, – несомненный плагиатор. Если он заимствует из двух, то он уже исследователь. А с ростом этого числа – глубокий исследователь. Об Израиле и евреях написано много тысяч книг, их невозможно даже мельком просмотреть. Но мы хотим предупредить читателя, что он имеет дело с двумя очень глубокими исследователями этой необозримой темы. К сожалению, многое из того, что хочется изложить, просто не поместится в нашей книге. Как говорится в старой русской пословице – нельзя впихнуть невпихуемое. Но попытку эту хочется предпринять.

А потому – начнем, благословясь.

Комментарий

Страну мою на карте обнаружив,
на внешние размеры не смотри:
по площади ничтожная снаружи,
она зато огромна изнутри.

Здесь мое исконное пространство,
здесь я гармоничен, как нигде,
здесь еврей, оставив чужестранство,
мутит воду в собственной среде.

Глава 1

Основным населением Израиля являются евреи. Откуда они взялись? На этот счет существует много разногласий и домыслов. Кочевые племена будущих евреев появились среди других кочевых племен в веке приблизительно двадцатом до н. э. Их тогдашнее прозвание – «иври» (и «евреи» вышло из него) – восходит к ивритскому глаголу «лаавор» – перейти; т. е. евреи – люди, перешедшие (в их случае – реку), пришедшие откуда-то. Название пришлось этому народу на редкость впору: как он ни старался жить подобно другим, а все же оставался иным, действительно явившимся с какого-то другого берега. Отсюда нет числа гипотезам, теориям и версиям. Одна из них даже гласит, что это инопланетяне, посланные на Землю с подозрительными целями. Другая – что они если не порождение дьявола, то веками состоят с ним в тесном сотрудничестве. Сами же евреи (а точнее – их часть, ибо согласия у них ни в чем не наблюдается) считают, что в их происхождении замешан лично Господь Бог. Это утверждение не лишено здравого смысла, ибо если допустить Его существование, то и замешан Он решительно во всем.

Господь ли создал евреев, они ли Его, и кто кого избрал – все так запуталось, что даже сами герои этой многотысячелетней драмы толком не представляют, как это было в действительности. Мы, со свойственной нам склонностью к компромиссам, предпочитаем считать, что это произошло одновременно, но увы – ни Господь, ни евреи не обладают нашим миролюбием и решительно отказываются разделять нашу точку зрения.

Кстати, насчет избранности. Покойный друг наш Виля, обозревая события, происходящие с еврейским народом, заметил, что он, Виля, совсем не возражал бы против того, чтобы на ближайшие несколько сотен лет Господь избрал арабов.

И признаться, для этого пожелания были у Вили немалые основания, как, впрочем, для всего, что делал и говорил этот исключительный человек, вечная ему память и царство небесное...

Короче, кто такие евреи, достоверно неизвестно никому, включая их самих. А точнее говоря, ответов на этот вопрос столько, что одно их количество ставит под сомнение истинность даже самых правдоподобных из них. Вот, к примеру, Сартр считал, что евреи – это те, кого другие считают евреями. Изящно, остроумно, только вот евреи с этим не согласны – им, видите ли, самим хочется принимать решение по своему поводу. Нам лично более по душе определение такое: еврей – это тот, кто имеет мужество считать себя евреем.

Но несмотря на то что единства в ответах на такой вопрос не получается, каждый согласится с тем, что евреи бывают умные и глупые.

И вот тут редкое единодушие наблюдается среди самих евреев: ум и глупость еврея определяются географией! А именно: умные евреи живут повсюду, а глупые – в Израиле. И то сказать: если может человек жить в Амстердаме, Киеве, Берлине, Варшаве, Париже, даже в Одессе, в Женеве, наконец, где кругом гористый воздух и сплошные французы, то зачем, спрашивается, ему жить в Тель-Авиве, Хайфе, Иерусалиме или, упаси Бог, в Беэр-Шеве, где кошмарная жара, пустыня и вокруг сплошные арабы?

Умные евреи, жители Берлина, Амстердама, Варшавы, Парижа и так далее, уже с начала XX века задавали этот вопрос своим глупым собратям и, не получая вразумительного ответа, резонно пожимали плечами и отправлялись в оперу, музей или Публичную библиотеку.

В результате событий, имевших место в Европе в середине прошлого века, умные евреи этот вопрос задавать перестали, а многие (из тех, кто выжил), сильно поглупев, переселились к своим менее умным соплеменникам. Впрочем, это было более полувека назад, и с тех пор многое в мире изменилось. Даже глупые евреи – и те маленько изменились, а вот

умные – ничуть, однако о них мы поговорим позже, а сейчас в самой общей форме попробуем отметить некие черты евреев, населяющих страну Израиля в настоящий момент.

Для начала отметим редкостное разнообразие проживающей здесь части еврейского народа. Речь идет не о том, что одни – богатые, а другие – бедные, одни – религиозные, другие – атеисты, и даже не о том, что одни все-таки умнее других (это встречается во всех странах). Мы же имеем в виду тот факт, что в центре абсорбции в Иерусалиме, где мы имели честь обитать во времена нашей иммигрантской молодости, были евреи из более чем восьмидесяти стран, и среди них еврей аж из Суринама. Про Суринам нам было известно только то, что в нем обитает редкой красоты гигантская жаба по имени пипа суринамская. Информацию эту (с большей частью нашего образования) мы почерпнули в шеститомнике Брема, который обожали разглядывать в младенчестве, особенно во время болезни. Легко понять, что мы незамедлительно бросились разыскивать означенного еврея, но, к немалому разочарованию, обнаружили в представителе сури-намской фауны всего лишь курчавого человечка, при дальнейшем разговоре оказавшегося врачом.

Все разнообразие различных этнических групп, составляющих то, что называется евреями, сводится к двум основным: ашкеназы (немецкие) и сефарды (испанцы), плюс итальянские евреи, которые упорно не желают соотнестись ни с одной из них. Так же, как к ашкеназам относятся американские, украинские, польские, белорусские, русские евреи, – в сефарды записаны иракские, йеменские, иранские и прочие евреи. Еще гуляют сами по себе эфиопские, горские, индийские, грузинские и курдские евреи. Этот этнический винегрет создает невероятную разногласию обычаев, ценностей, привычек, традиций, предпочтений и всего того, что называется культурными кодами. Что, в свою очередь, приводит не только к появлению анекдотов про марокканцев, русских, курдов, поляков и всех прочих, но и к напряженности, чреватой столкновениями и взрывами. Удивительно не то, что они время от времени происходят, а то, что эти группы все-таки находят путь к существованию. Но если напряженности этнической вам мало, то хватает и всяких других – подумайте о любой, и она непременно найдется в этой стране.

В частности – отношения между светской и религиозной публикой. Понятия эти тоже достаточно условны, ибо и та, и другая группы состоят из более мелких групп, а те, в свою очередь, из еще более мелких, ну и так далее. В черно-белом варианте для религиозной публики евреи нерелигиозные – и вовсе никакие не евреи, а для человека светского еврей религиозный – это паразит и бездельник. Тем не менее даже они находят путь к добрососедству и взаимной терпимости.

Однажды Вим ван Лир, уроженец Бельгии, бывший летчик, увлекшийся кинематографом, собрался делать документальный фильм о Всемирном потопе. А чтобы не попасть впросак, обратился за консультацией к раввину Штейнзальцу, справедливо полагая его одним из наиболее сведущих в мире специалистов в области Библии и вокруг. При этом ван Лир, человек весьма порядочный и щепетильный, явившись к прославленному раввину, первым делом сообщил о своем неверии и, чтобы у того не оставалось никаких сомнений в атеизме посетителя, признался, что каждую субботу собственноручно готовит себе на завтрак яичницу с беконом. Внимательно, как и подобает раввину, Штейнзальц выслушал взъерошенного кинематографиста и поинтересовался:

– А отчего вы, уважаемый, именно в субботу готовите себе яичницу и именно с беконом?

– Видите ли, – с чувством сказал Вим ван Лир, – я очень люблю готовить. Но на неделе я так задерган и забеган, что до готовки руки не доходят, и ем я урывками и что попало. А в субботу я наконец-то могу позволить себе любимое блюдо.

– Ну что ж, – сказал ученый раввин, – вы, конечно же, знаете, что суббота – величайший праздник и его непременно надо отмечать. Ваш способ празднования субботы несколько отличается от моего, но это тоже путь, продолжайте!

В результате ван Лир записался в ученики к Штейнзальцу. Верующим он так и не стал, но утверждал, что многому научился.

Остается с сожалением заметить, что таких людей, как Штейнзальц и ван Лир, где ни поищи, не так уж и много...

И не случайно Голда Меир на слова Ричарда Никсона о том, как тяжело быть президентом ста пятидесяти миллионов граждан, ответила: «Ах, господин президент, поверьте, что быть премьер-министром пяти миллионов президентов еще труднее».

Индивидуализм, нелюбовь к любой власти – древняя традиция Израиля. В Библии приводится история о том, как деревья искали себе царя. Сперва обратились к оливе. «Нет, не до того мне, – сказала олива, – я выращиваю плоды, дающие масло». Обратились к пальме, и она ответила отказом: «Я занята важным делом – произвожу финики». И только терновник – растение, неспособное приносить плоды, – охотно согласился принять корону. При таком отношении к властным структурам понятно, что от своих соотечественников политикам не приходится ожидать большой любви, да, честно говоря, подавляющее их большинство ее не заслуживает.

А еще евреи – весьма нетерпеливый народ: все подавай немедленно, желательно еще вчера. Как-то двоюродный брат одного из нас остановился в своей машине перед красным светом светофора. Тут надо отметить, что в тот день приключился хамсин. Хамсин – это такое состояние атмосферы, при котором все становятся нервными, раздражительными, дергаными. Существует неписанный закон: за убийство, совершенное в хамсин, срок дают поменьше. Так это или не так, мы точно не знаем, но что закон неписанный – не сомневаемся. Итак, стоит наш братец на светофоре. Жарко. Пыльно. Потно. Красный свет.

И вдруг раздается оглушительное, истерическое библиканье, которого как раз и не хватало, чтобы довести нашего достойного родича до состояния, близкого к человекоубийству. Выскочил он из своей машины, рванул дверь стоявшей за ним машины и рывкнул:

– Ну что ты сигналишь? Ты что, не видишь, что красный?

– Вижу, – ответил удивленный водитель, – вижу. Но ведь скоро будет зеленый!..

Раз уж мы упомянули про автомобиль, то сразу хотим предупредить любого, кто приехал сюда: израильтяне – не водители, а автогонщики. Красноречивее всего об этом говорит сухая и холодная статистика: за те шестьдесят с лишним лет, что существует государство, здесь в автомобильных авариях погибли тридцать тысяч человек, в то время как за шесть (!) пережитых Израилем войн – на шесть тысяч меньше. Ну, тут нужны еще какие-то слова?

Решительно отказываясь рассматривать жизнь как богатую гамму серого цвета, израильтянин мечется между двумя крайностями, возносясь на вершину эйфории и тут же свергаясь в пучину депрессии. От ничем не обоснованного утверждения, что прекраснее израильского ландшафта нет ничего в мире, и до утверждения, что жить в этой стране абсолютно невозможно. Если разбилась чашка, это катастрофа, если хумус хороший, то он потрясающий.

Не ждите от израильтянина взвешенного отношения к происходящему. За те тридцать лет, что мы имеем счастье проживать на Земле обетованной, мы более чем привыкли слышать вокруг вопль, что так плохо, как сейчас, не было никогда. Но проходит год-другой, и выясняется, что это сейчас «так плохо, как никогда», а тогда было совсем даже хорошо...

Нет здесь, увы, ни латинской традиции выпивать за трапезой бутылку вина на человека, ни российской – раздавить бутылку водки на троих, а потом проложить пивом и отлакировать портвейном. Израильтяне практически не пьют. Субботнее вино, употребляемое для благословения, в счет не идет, тем паче оно такого вкуса, что его более одной капли не выпьешь.

Так вот, увидев однажды спящего в саду на скамеечке выходца из России и обнаружив рядом с ним бутылку пива, незамедлительно развязали на всю страну истеричную антиалкогольную кампанию.

Приняв закон об ответственности за преследования на сексуальной почве, довели дело до того, что мужик отправляется в постель с микрофоном и кинокамерой, дабы на всякий случай иметь доказательства добровольного согласия дамы.

Ни одному занятию не предаются израильтяне с большей страстью, чем поношению собственной страны, в которой ни в чем нет ну совсем ничего хорошего. Однако делом этим разрешается заниматься исключительно самим гражданам Израиля: услышав любое критическое замечание в адрес страны (неважно, справедливое или нет), израильтянин немедленно превращается в пламенного патриота.

Понятия дистанции в Израиле не существует. Нам пришлось общаться с четырьмя премьер-министрами, и каждый из них после естественного обращения «господин премьер-министр» морщился и напоминал свое имя. Возможно, такая короткость заложена не только в самоощущении каждого отдельного израильтянина, не только сформирована армией, где все слои населения перемешиваются, но обусловлена самим языком.

В отличие от английского, где не только кошка говорит с королевой на «вы», но и королева на «вы» обращается к кошке, в иврите обращения на «вы» не существует. Иврит, язык пастухов и царей, признает только «ты».

И вот на этом самом иврите все кругом кричат, причем одновременно. Одно из объяснений повышенному количеству децибелов дал художник Борис Карафелов в ответ на усталое замечание супруги своей, писательницы Дины Рубиной, натуры музыкальной и чувствительной.

– Ну что они так вопят? – спросила Дина раздраженно.

– Должно быть, намолчались там, откуда приехали, – пожал плечами Боря.

А теперь несколько слов об израильской манере одеваться и вести себя на людях. Начнем с последнего: манер в Израиле не существует, каждый ведет себя так, как находит нужным. Таких глупостей, как пропустить женщину вперед или уступить ей место, делать не следует: вас просто не поймут (или изрядно удивятся). Если нужно что-либо сообщить своему знакомому, находящемуся от вас метрах в пятидесяти, вовсе не следует преодолевать это пространство (вне зависимости от того, где это происходит – на улице, в ресторане, на пляже или в концертном зале). Надо просто напрячь голосовые связки и во всеуслышание изложить все, что вы имеете сказать.

Столь же непосредственны израильтяне и в манере одеваться. Правда, золотые дни свободного отношения к одежде, когда в парламент можно было заявиться в шортах и сандалиях, увы, миновали, но костюм и галстук по сю пору не строго обязательны даже на дипломатическом приеме. И не существует ресторана, куда вас не пустят без галстука. Выходцев из бывшего Советского Союза легко узнать по привычке надевать сандалии на носки, все остальное население Израиля носит их на босу ногу. Молодежь предпочитает так называемый запущенный стиль: это когда на тебе все висит как хочет, чтобы ты ощущал себя удобно, свободно и проветренно. Еще, конечно, следует упомянуть о достойном восхищения умении израильтян обоего пола носить штаны таким образом, что верхняя треть ягодиц открыта для всеобщего обозрения. И штаны непостижимым образом держатся на заданном уровне. Такой способ ношения этой части одежды очень, разумеется, гигиеничен, а также (хоть и не всегда) обладает неким эстетическим содержанием. Один из авторов этой книги много лет отдал попыткам носить штаны именно таким образом, но все его усилия пропали даром: либо задница его полностью прикрывалась, либо штаны спадали. Отчаявшись, он с неизбывной грустью понял, что такое виртуозное умение дается только уроженцам этой маленькой загадочной страны.

Израильтяне чудовищно непоседливы. В Индии, Эквадоре и Таиланде все уверены, судя по количеству израильских туристов, что Израиль – огромная империя, которую населяют сотни миллионов жителей. В общем, израильтян за границей гораздо больше, чем их есть вообще.

Отслужив в армии, израильтянин отправляется в путешествие по миру, которое может занять год, три, а то и всю жизнь. Израильтяне уживаются на Северном полюсе, бродят в джунглях Латинской Америки, забираются на Памир, спускаются в Большой каньон.

Наш приятель, облазивший весь мир, года три тому назад забрался в какую-то чрезвычайно экзотическую пещеру, куда попасть более чем непросто и где довольно опасно. После спуска, который продолжался несколько часов, подивившись на сталактиты и сталагмиты, он еще несколько часов плыл на резиновой лодке по подземной реке и, высадившись, обнаружил на скале большую надпись на иврите: «Сноб! А в Цфате ты был?»

То, что евреи – народ настырный, известно всем. В Израиле эта черта, как и многие другие, доводится до абсурда. В пору нашей иммигрантской юности к одной нашей соседке заявился страховой агент с целью застраховать квартиру.

- Откуда у нас квартира? – удивилась соседка. – Сами видите, где живем!
- Не квартиру, так машину, – жизнерадостно предложил страховой агент.
- Нету машины, – призналась соседка.
- Нету? – удивился агент. – Тогда мебель!
- И мебели собственной пока нет...

Такое положение дел, очевидно, уязвило профессиональную гордость агента, и он пустился в быстрое перечисление всего, что подходило для страховки. Но немедля выяснилось, что ни животных, ни драгоценностей, ни картин, ни холодильника и прочих электрических благ цивилизации, совсем-совсем ничего пригодного для страхования у семьи эмигрантов из Москвы не было. Через полчаса отчаявшийся агент выложил последний козырь.

– Если вы, – сказал он, – хоть что-нибудь у меня застрахуете, я бесплатно делаю страховку жизни вашего мужа.

– А зачем ее страховать? – робко спросила женщина. (Ах, как молоды мы были...)

– Как это «зачем»? – устало промолвил агент. – Если он умрет, то в доме, по крайней мере, будет маленький праздник...

Коррупция во всех ее проявлениях отнюдь не обошла стороной государство Израиль. И все же еще есть в этой стране неподкупные люди. Несколько лет тому назад наш приятель, оставив свою машину, заскочил в магазин купить сигарет, а выйдя, обнаружил стоявшую рядом с его автомобилем девушку из полиции, которая выписывала ему штраф за парковку в запрещенном месте. Наш друг с жаром принялся объясняться: сигареты, пара минут... Тут надо сказать, что в полиции часто служат йеменитки, то есть потомки выходцев из Йемена, отличающиеся дивной красотой. Эта была как раз из таких. А приятель наш – тоже не шмендрик какой, а мужчина видный, обаятельный, устоять перед ним решительно ни одна девица не могла. Вот он ей и говорит:

– А не попить ли нам кофе?

(Тут надо пояснить, что в израильской реальности предложение попить кофе – это вежливая форма приглашения пойти в постель.) И поскольку, как уже сказано, приятель наш обаятелен был непомерно, красавица ответила согласием и села к нему в машину. А далее он отвез ее к себе домой, и там в течение полутора часов они причиняли друг другу всевозможные наслаждения. По завершении этого праздника жизни он снова посадил красавицу в машину и, поскольку джентльмен, отвез ровно на то место, с которого забрал. Красотка вышла из машины, засунула квитанцию на штраф под дворник ветрового стекла, послала воздушный поцелуй оторопевшему приятелю и продолжила исполнение служебных обязанностей. Возможно, здесь будет уместным сообщить, что по данным глобального опроса,

заказанного фармакологической компанией «Пфицер», Израиль находится на втором месте в мире по интенсивности занятий сексом (чаще занимаются любовью только в Бразилии).

Значительная разница между приехавшими в Израиль побуждает каждого еврея с удивлением и внутренним неодобрением смотреть на непохожих соплеменников. И наиболее активны оказались в этом осуждении бывшие советские евреи. Сколько довелось нам выслушать горячих разговоров о бескультурье здешнего населения! А когда мы вяло возражали, что не бескультурье это, а просто разница традиций и обычаев, то собеседник (собеседница) надменно замолкал и подозрительно смотрел уже на нас. А тут однажды подвернулась и прекрасная история. Наша подруга Леночка Рабинер много лет работает на радио. И как-то позвонил ей некий немолодой еврей и произнес целый монолог о том, что мы, носители высокой и значительной культуры русской, попросту обязаны нести культуру эту в темные и полудикие местные массы. И себя для этого несения он щедро предложил. А так как монолог никак не мог закончить и тянул, тянул слова настырный просветитель, Леночка ему учтиво предложила изложить свои соображения письменно и прислать на радио.

– Запишите, пожалуйста, наш адрес, – вежливо сказала она, – мы в Тель-Авиве находимся, улица Леонардо да Винчи...

– Как вы сказали? – переспросил пожилой культуртрегер. – Повторите еще раз.

– Улица Леонардо да Винчи, – терпеливо повторила Леночка. И как-то машинально пояснила: – Ну, в честь Леонардо да Винчи, вы же знаете...

– Уж извините, – чуть растерянно сказал старик, – я всего полгода как приехал...

А одного из авторов наметил в собеседники по этому жгучему вопросу его сосед по тихому иерусалимскому району Неве-Яков. Сосед был стариком словоохотливым, а уклониться от него в маленьком дворе было трудно. Так, однажды плелся он за мной по этому двору – засыпанному, кстати, старыми и рванными газетами, – и говорил, и говорил о бескультурье марокканцев, обильно населявших наш район. Как иллюстрацию их варварского сознания он приводил в пример как раз газеты эти, которые кидали, до помойки не дойдя, неряшливые марокканские евреи. Я выдержал минуты три (для пущего эффекта) и обратил его внимание на то, что эти марокканские евреи – очень и злокозненны к тому же: все газеты, что валялись на дворе, были на чистом русском языке. Старик обиделся и пару месяцев меня не замечал...

Чего опасается израильтянин? Он опасается войны, терактов (специфика страны), а в остальном того же, что и все люди в мире: болезней, автокатастроф, безработицы. Но больше всего на свете израильтянин боится оказаться фраером. Этот комплекс в огромной мере определяет образ мыслей и стиль поведения среднего израильтянина. Что он, фраер в очереди стоять? Фраер, чтобы его обгоняли на шоссе? Фраер, платить дорожке? Известное определение израильтянина как человека, готового сжечь бензина на десять шекелей, чтобы купить курицу на шекель дешевле, имеет к предмету нашего рассказа прямое отношение. История, которую мы собираемся вам поведать, на наш взгляд, касается самой сути израильского комплекса фраера. И не в последнюю очередь потому, что героем ее является человек, для нескольких поколений олицетворявший идеал сабры (уроженца страны). Речь идет о Дане Бен Амоце – короле израильской богемы, знаменитом журналисте, писателе, создателе словаря ивритского сленга, символе израильской культуры. Вот на него-то в Нью-Йорке, на какой-то из авеню, и налетел случайно ближайший его дружок и коллега по журналистскому цеху Аммон Данкнер (благодаря которому история эта и стала нам известна). Обрадованный неожиданной встречей, Бен Амоц пригласил Данкнера наутро позавтракать вместе. Как любой человек, Бен Амоц обладал разнообразными достоинствами и недостатками, и среди недостатков не последнее место занимала прижимистость. Место, выбранное им для завтрака, было не более чем дешевой забегаловкой, Зная своего друга, Данкнер этому обстоя-

тельству отнюдь не удивился, а когда дело подошло к концу, поторопился заплатить по счету. За двоих, разумеется. И тут Дан помрачнел.

– В чем дело? – поинтересовался Данкнер. Смена настроения друга не укрылась от его внимания.

– А в том, – скорбно сказал Бен Амоц, – что я вышел фраер.

– Это почему же?

– А потому, что ты расплатился за двоих.

– И что?

– А то, – не скрывая раздражения, набылчился Бен Амоц, – что, поскольку ты сейчас заплатил за двоих, в Израиле, когда мы пойдем куда-нибудь пожрать, платить будет моя очередь, а это наверняка будет дороже, и я выйду фраер.

– Да бу-удет тебе, – благодушно протянул Данкнер, – один раз ты больше заплатишь, другой я, ну наберется за десять лет разница в триста шекелей, есть из-за чего огород городить...

– Есть, нет, – упорствовал Бен Амоц, – а сегодня я вышел фраер.

– Послушай, – любопытствовал Данкнер, – а чего ты так боишься быть фраером?

Очевидно не ожидавший такого вопроса Бен Амоц (как правило, быстрый на реакцию и острый на язык) помедлил с ответом, а потом, пробормотав:

– Я должен подумать... – перевел разговор на другую тему.

Прошло несколько лет. Известие о неизлечимой болезни Дан Бен Амоц принял мужественно, а когда понял, что дело подходит к концу, устроил пир на весь мир: созвал друзей и подруг, и все, изрядно надравшись, говорили прочувствованные слова на манер неизвестного им любимого нашего фильма «Не горюй», но, повторяем, ни Бен Амоц, ни вся эта публика с фильмом знакомы не были, и оттого все происходившее было вполне первозданно и аутентично. Когда через несколько дней в квартире Данкнера раздался звонок из тель-авивского госпиталя «Тель хашомер», Данкнер приготовился услышать ожидаемую весть о смерти Бен Амоца, но, вопреки ожиданий, выяснилось, что тот еще жив и, более того, просит Данкнера срочно приехать. В неподвижном, обвитом трубками инфузий усохшем теле с трудом угадал Данкнер своего любимого друга. Потрясенный, он тихо стоял в дверях палаты, как вдруг рука приподнялась, и костлявый палец сделал знак подойти поближе. Данкнер приблизился к кровати и наклонился. Пересохшие губы умирающего шевельнулись:

– У меня нету...

– Чего у тебя нету? – спросил Данкнер.

– Ответа...

– Ответа на что?

– Ответа... – с трудом выдохнул умирающий, – ответа... почему... я так боюсь быть... фраером...

Через сорок минут знаменитый писатель, король богемы и символ израильской культуры Дан Бен Амоц скончался.

Но что же все-таки объединяет всех этих евреев, таких непохожих и таких разных? Что делает из них израильтян?

Два раза в году звучит сирена. Два раза в году останавливаются на улицах автомобили, замирают пешеходы, и две минуты стоят люди под палящим солнцем или в домах – там, где застал их тоскливый вой.

Два раза в году граждане Израиля отдают честь памяти погибших. В День Катастрофы и героизма европейского еврейства и в День памяти солдат, погибших, защищая страну. Обычай этот, как правило, не соблюдается не только арабскими гражданами (что вряд ли может вызвать удивление), но и многими ультра-ортодоксальными евреями. Причины, по

которым они нарушают израильскую традицию, для нашего повествования (по крайней мере – в этой его части) не суть важны. А важно совсем другое: ни в какой иной стране, ни при каких обстоятельствах и ни по каким причинам не посмели бы они (да и не смеют) бросать вызов подавляющему большинству населения, так же как не посмели бы сжигать флаг этой страны, как они порой делают в День независимости Израиля. Почему же они позволяют себе это в Израиле? Ответ на этот вопрос совпадает с ответом на вопрос, заданный выше. И ответ до крайности простой: так по-хамски ведут себя только дома.

Комментарий

Про наше высшее избрание
мы не отпетые ввали,
хотя нас Бог избрал не ранее,
чем мы Его изобрели.

В эту землю я врос окончательно,
я мечту воплотил наяву,
и теперь я живу замечательно,
но сюда никого не зову.

Тут нету рек нектара и елея,
темны за горизонтом облака,
а жить среди евреев тяжелее,
чем пылко их любить издалека.

По части блядства мой народ
с библейских славится времен
и сто очков дает вперед
сынам любых иных племен.

Глава 2

История Израиля включает в себя множество достойных (и недостойных) имен, которые известны людям разных стран, разных национальностей и, как говорится, различного культурного уровня и материального достатка. Короче – всем.

Но все эти замечательные люди – Давид, Соломон, Вирсавия, Бен-Гурион и другие – остались бы нам неизвестны, если бы не один странный человек, живший во времена оные, черт знает где, а точнее – в городе Уре Халдейском. Было это приблизительно веков за восемнадцать до новой эры.

Библия, со свойственной ей лаконичностью, мало что сообщает об этом человеке, тем не менее мы беремся утверждать, что все, кто писал об Аврааме (а о нем разве ленивый не писал), довольно сильно искажали его облик. Старательно анализируя его поступки, они, как водится, больше заботились о нахождении глубоких и оригинальных философских концепций. Меж тем достаточно прочитать страницы Библии, посвященные нашему герою, как делается очевидным, что перед нами человек доверчивый, незлобивый и сострадательный, склонный к мечтаньям, видениям и более того – принимающий их за правду. То есть человек, для которого грань между реальностью и фантазией если и существует, то изрядно размыта. А теперь скажите нам, люди разумные, как называется такой человек? Да! Совершенно правильно! Такой человек называется поэтом. Все мы знаем – кто на личном опыте, а кто из вторых рук, – что «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон... и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Ну, ничтожней не ничтожней, но многие поступки Авраама, прямо скажем, симпатии не вызывают.

Жену свою со страху объявляет он сестрой и своими руками, можно сказать, сдает в постель фараону. Такое неблагоприятное поведение вошло у него в норму: чуть что объявлять Сарру сестрой и отдавать очередному царю – Авимелеху, например. А Сарра противиться мужу не смеет, и Богу каждый раз приходится вмешиваться лично, чтобы уберечь ее достоинство и честь. Это еще самые скандальные случаи – а о скольких написать забыли или умолчали о них?

Опять же сына своего первородного и его мать наш Авраам, устав от семейных скандалов, попросту в пустыню выгнал. Правда, добрая душа, дал «хлеба и мёх воды». После такого обращения чего уж удивляться, что потомки этого мальчика терпеть не могут потомков его единокровного брата. Но самое ужасное, что он послушно приготовился собственноручно угробить родного сына! Несчастному безответному ребенку собственной рукой собрался перерезать горло! А это не по-божески и не по-человечески. Написано, что Бог таким образом испытывал Авраама (в русском переводе – «искушал», но это очень уж неточно). Да, Бог действительно испытывал его. Но, позволим себе высказать собственную догадку: не покорства ожидал Господь, а несогласия и бунта!

Одно из основных положений иудаизма гласит: «Все предопределено, но есть свобода выбора». Мы не помним, где мы это вычитали, ибо читаем широко и беспорядочно, всего не упомнишь. Но эта мысль (идея, наставление) – исключительно правильного свойства.

Если Господь создал человека свободным, то не слепого послушания Он ожидает от него, а мужества, достоинства и чести. Умения, когда надо, сказать «нет» – самому Господу Богу. Как умели это делать хасидские мудрецы, не только вызывавшие Бога на суд, но и признававшие Его виновным. И думается нам, что до сегодняшнего дня тяжело расплачивается еврейский народ за малодушие своего прародителя. Кстати, происходило это событие на горе Мория, которая находится в Иерусалиме и часто называется Храмовой горой, ибо спустя много лет царь Соломон выстроил на этом месте Храм, а теперь там стоит здравующее здание с золотым куполом, которое так и называют – Купол-на-Скале. С этого места Господь

начал строить мир, отчего та скала называется Краеугольным камнем. Это на него Авраам положил бедного Исаака. А сейчас в первый, но не в последний раз мы со значением скажем: «Видите эту гору? Слышали, что мы вам только что рассказали? Так знайте: это было здесь!» Кстати, впервые Авраам увидел гору Мория с места, которое называется Таелет – смотровая площадка в иерусалимском районе Тальпиот-Мизрах. Там есть ресторан, в который нога даже невзыскательного туриста ступать не должна, а вот вид – пять звездочек. Рекомендуем.

Теперь давайте поговорим о других делах праотца Авраама. Начнем с того, что он был кочевник. И не то чтобы на одном месте ему не сиделось, но для скота нужны были свежие пастбища. Сперва из Ура Халдейского он перебрался в Харран. Тоже не Париж, сами понимаете, но все-таки минимально цивилизованное место. Канализация. Водопровод. Клинописные таблички. И вот тут наш Авраам слышит голос: «Пойди из земли своей...» – и так далее. Ну прямо как Жанна д'Арк какая. Она тоже голоса слышала. И ведь вот что интересно: люди, слышавшие голоса, потом такое творили, что диву даешься. Композитор Тартини, тот сонату написал. Правда, ему не Бог являлся, а Дьявол. Данте его строки Муза диктовала. Кому-то из математиков формулу наговорили. В общем, везет людям. Но с другой стороны, мы думаем, что говорят со всеми, только слышат далеко не все. А большинство – и слышать не хотят. И правильно, по сути, делают. С ума ведь можно посходить, если все начнут что-нибудь слышать и сообразно действовать.

Вот тут и проявилась поэтическая натура Авраама. Услышав голос, он немедленно пустился в путь. И за собою потянул, естественно, жену, племянника Лота уговорил, и всех людей своих подбил, и поднялись они, и двинулись по местам незнакомым и диким: через пустыни в сторону Ханаанской земли – той самой, которая потом была названа страной Израиля и частью которой сегодня является государство Израиль. По дороге они пересекли Сирийско-Африканский разлом. Этот самый разлом, к сожалению, разломался не до конца, иначе Израиль от его соседей отделяло бы сейчас изрядное пространство. От Ливана и Газы можно было бы отделиться каналом и... помните роман Жюль Верна «Плавучий остров»? Увы... увы...

Однако вернемся к суровой действительности. Как известно, первые люди появились в Африке, в районе озера Виктория. (Во всяком случае, именно это утверждает современная наука.) Однако, осознав, где именно они появились, наиболее развитые древние люди немедленно дали из Африки деру. И бежали они через Ханаан, где самые ленивые и сообразительные (очень недурное сочетание) остались. И почему б им было не остаться? По саванне, которой тогда была эта страна, бегало полно всяких бифштексов, шашлыков и отбивных, а вокруг был – только нагнись – кремль, при помощи которого их можно было оприходовать. Примером жизни этих людей могут служить пещеры Танур и Гамаль недалеко от Хайфы, где все осталось, как было этак сто пятьдесят тысяч лет назад, разве что добавили световых эффектов и кино крутят. Кстати, буквально только что на севере страны, возле местечка Кфарха-Хореш, обнаружили кладбище VIII или VII века до н. э. Таким образом, пальма первенства, ранее принадлежавшая кладбищу на Масличной горе, им утрачена. Интересно, что возраст похороненных на этом кладбище – не более тридцати лет, и останки их окружены фаллическими и вагинальными символами. Ах, молодость, молодость...

В древние времена флора Израиля была на редкость разнообразна (в нашей собственной коллекции есть, к примеру, ожелезненный папоротник, которому два с половиной миллиона лет). Помимо обычной для Средиземноморья растительности, как то сосны, кипарисы, тут водились еще дубы самых разных сортов, рябины и много чего другого (честно говоря, ботаники мы липовые).

Что уж совсем удивительно для здешнего климата – тут, судя по всему, даже выращивали рис, хотя и не во времена патриархов, а позже. Свидетельство этому мы находим в трудах Саши Черного, где непосредственно сказано: «Царь Соломон сидел под кипарисом и ел

индюшку с рисом» (sic!). Насколько нам известно (а мы и орнитологи никудышные), индейка по тем временам водилась исключительно в Америке, где ее было принято есть в День благодарения (или на Рождество – мы точно не помним). Появление этой птицы в Израиле, по-видимому, следует отнести на счет того широко известного факта, что царь Соломон хорошо знал язык птиц и, вероятно, исхитрился уболтать индейку прилететь в Эрец-Исраэль.

После безвременной кончины Солом она (память праведника благословенна) вплоть до XX века упоминаний ни о рисе, ни об индейке не встречается, из чего авторы делают очевидный вывод, что и рис, и индейки исчезли вскоре после смерти царя. Похоже, что у его наследников (быстро передравшихся друг с другом) были другие интересы, нежели разведение риса в засушливых зонах и охрана редких птиц. Вместо этого благодарного занятия они развалили Соломоново царство на два – Израиль и Иудею. Но все это было потом, а сейчас вернемся во времена патриархов и попытаемся представить себе, как ощущал себя праотец Авраам, и хоть чуть-чуть понять его. На самом деле это гораздо проще, чем кажется. Всего лишь надобно поехать в место, которое называется Шахарут...

Комментарий

Еврей – не худшее создание
меж Божьих творческих работ,
он и загадка мироздания,
и миф его, и анекдот.

Не зря себе создали Бога двуногие,
под Богом легко и приятно.
Что Бог существует, уверены многие,
и даже Он сам, вероятно.

Глава 3

Расположен Шахарут в Негеве, в пустыне. Населяет его очень специальная публика, и часть этих людей занимается пустынным туризмом. Здесь, забравшись на верблюда, вы (в сопровождении гида) можете уйти в пустыню на срок, который выберете сами, от пяти часов до восьми дней.

Итак, к вечеру вы приезжаете в Шахарут и ночуете в хане – большом шатре, точь-в-точь как это делали тысячи лет тому назад Авраам со своей командой. И не исключено, что в этот вечер вы будете несколько взволнованы, ибо назавтра вам предстоит встреча с пустыней. В нашем сознании слово «пустыня» обладает отрицательным оттенком: пустыня духа, человеческая пустыня, голос вопиющего в пустыне...

Но довелось ли вам заметить, что три великие религии зародились на краю пустыни и отчасти – в ней самой?

Пустыня... Само это слово заставляет человека почувствовать себя по-другому. Жизнь в пустыне, даже недолгое пребывание в ней, ставит перед человеком основные вопросы бытия. Как добыть воду? Как сберечь пищу? В пустыне человек находится в постоянном противодействии стихии, будь то песчаная буря, жара днем и стужа ночью; пустыня – это вечный вызов, ибо человек должен постоянно принимать решения, каждое из которых касается собственного выживания, у него нет права на ошибку. Но ответы, которые он находит, способствуют не только выживанию – они формируют мировоззрение человека, ежедневно борющегося за существование.

Чем-то это напоминает противостояние человека морю. Но в пустыне, в отличие от моря, можно жить постоянно. И после двух недель в пустыне, глядя остановившимися глазами в бескрайние, уходящие к горизонту холмы, сказал нам немецкий моряк: «Это как пересечь океан...»

В отличие от расхожего мнения, пребывание в пустыне – вовсе не одиночество, это постоянные встречи: с природой, с животным миром, с людьми. А настоящее одиночество, что хорошо известно всем нам, обитает там, где вокруг очень много народа...

Основной закон пустыни – гостеприимство. В Нью-Йорке, Москве, Париже, Тель-Авиве, если захочется попить-поесть, вам даже в голову не придет зайти в первый попавшийся дом. В пустыне без тени смущения ты войдешь в незнакомый шатер, ибо закон пустыни отличается от законов цивилизации больших городов. И ты поможешь незнакомцу, ибо однажды сам будешь на его месте. А когда ты войдешь в шатер – что бы с тобой ни было и в чем бы ты ни нуждался, прежде всего тебя угостят тремя чашками кофе, настоящего кофе, который (по словам знатоков) должен быть горьким, как семейная жизнь.

Первая чашка – после долгих ритуальных уговоров и отказов – пьется в честь гостя. Следующая – для приятности – чашка кайфа. А третья называется «меч» – ибо как меч рассекает она время, и с этой минуты трое суток остается пришелец под покровительством хозяина, отдыхая и набираясь сил. А кстати, знаете ли вы, откуда и как появился на свет кофе? Не знаете? Тогда послушайте. (Мы, странствующие патриархи, страсть как любим внимать историям заезжих путников, а при случае удивить своей...)

...Это случилось давным-давно. Конечно, много позже, чем герой наш Авраам пустился во все тяжкие, но все-таки три тысячи (примерно) лет назад, во времена мудрейшего из людей, обладателя великих сокровищ, прекрасных жен и наложниц, знавшего языки людей, птиц и животных царя Соломона. И привиделось во сне престарелому царю, что через три дня и три ночи суждено ему оставить этот мир и единственное, что может спасти его, – это волшебный напиток, бьющий ключом в горах далекого Йемена. Созвал наутро царь своих подданных, а также зверей и птиц, и рассказал им о своем видении. И возопил весь

народ, и звери, и птицы, и вызвался могучий орел доставить волшебный напиток. Три дня и три ночи без отдыха бороздил он небесный океан и на исходе третьего дня приземлился во дворе царского дворца, держа в клюве флакон с волшебным напитком. И снова созвал царь своих подданных, а также зверей и птиц, и спросил: «Пить ли мне волшебный напиток?» И возопили все как один: «Пить, великий государь!» Обвел их взором царь и заметил, что не хватает фенька – маленького пустынного лиса. (Да-да, того самого – из «Маленького принца».) Послали за феньком, а когда тот явился, задал ему Соломон тот же вопрос.

– А что сказал буйвол? – поинтересовался лис.

– Буйвол сказал пить, – ответил царь.

– А слон?

– И слон.

– А лев?

– И лев.

– Ну тогда, конечно же, пить, – сказал лис.

– Не бойся, старый друг, – ласково сказал Соломон. – И не утаивай от меня своих мыслей. Мне нужен совет.

– Не пей напиток, великий царь, – тихо промолвил лис. – Умри, пока ты на вершине. Лучше покинуть этот мир, когда все любят тебя и хотят, чтобы ты в нем остался, нежели дожить до того, чтобы стать обузой и от тебя хотели бы избавиться.

Помолчал Соломон, а потом закрыл флакон и вернул его орлу. И снова пустился орел в путь, но ослабевшая рука царя плохо закрыла сосуд, и по дороге капли драгоценного напитка падали на землю. И там, куда они упали, появлялись зеленые ростки кофе...

...Поначалу все идет замечательно: вас захватывает экзотика путешествия, предвкушение приключений, острое ощущение необычности. Проводники навьючивают верблюдов. Но вот все готово и можно пуститься в путь. Путешественники разбиваются на пары: один поедет на верблюде, другой поведет его. И вот первый сюрприз: забраться на верблюда не так-то просто. То есть сесть на него (поскольку верблюд лежит) трудности не составляет, но затем человек неожиданно летит вперед и вниз – это верблюд распрямил задние ноги и тут же вверх и назад – это верблюд распрямил ноги передние. Спасти может только лука седла, за которую судорожно цепляется всадник.

Караван выстроен и по сигналу проводника движется в путь. Постепенно исчезает из виду хан, долина Шахарута, и вокруг – пустыня. Первые часа полтора проходят в таком туристском веселье: крики, шутки, смех.

Но постепенно остроумные замечания и веселые шутки затихают, словно скукоживаются от сухого дыхания пустыни, становится тихо, ибо незаметно для вас самих пустыня уже прибрала вас к рукам. Вы постепенно проникаетесь серьезностью и значительностью места, в котором находитесь, и ощущаете, что лишь молчание приличествует человеку, оказавшемуся перед лицом того, что оказалось громаднее, значимее и непонятнее, чем представлялось.

Размеренно идут верблюды. Меняются местами путешественники: час на верблюде – час пешком. Жара обволакивает караван, вбирает его в себя. Куда мы движемся? Что спереди, что сбоку, что позади – всюду вокруг одно и то же. Первый привал. Вода.

Не сразу, очень не скоро пустыня начнет приоткрывать свои секреты. Для начала – в ней много растений. И возможность использования этих растений широка и разнообразна. Какие-то годятся в еду, из других заваривают чай – строго говоря, это не чай, ибо чая там нет – навар изумительной свежести и вкуса. Есть лекарственные растения и даже растение, которое используют вместо мыла. Есть в пустыне и животные – их трудно увидеть, но их много. Это и смешные жуки на длинных тонких ногах, чтобы жар земли не опалил их нежное пузо, это и забавные пустынные зайцы – людей они не боятся и, стоит вам разбить привал,

появляются в ожидании еды. Лисы, волки, антилопы. Грифы, вороны. Вороны – птицы не просто умные, но обладающие чувством юмора: набирают в клюв камушки, роняют их на волков, а попав, дико веселятся.

Но конечно же, царь животного мира – верблюд. Характер этого животного не из лучших: упрямый, часто злобный, мрачный. Ни с собакой, ни с лошастью не сравнить. К людям он в лучшем случае равнодушен. Конечно, он узнает своего погонщика, но дружеское понижение, подобное отношениям между лошадью и ее хозяином, – крайне редко. И тем не менее к своему верблюду человек привязывается, чуть ли не влюбляется, расставание становится нелегкой задачей, и память о своем равнодушном гордом любимце человек хранит долго.

Он потрясюще устроен, этот корабль пустыни. Зимой может провести без воды три недели, а потом буквально в течение нескольких минут выпить сто пятьдесят литров. Как и среди людей, среди верблюдов есть врожденные лидеры – те, кто поведет караван, и те, кто ни при каких обстоятельствах не встанет во главе. Большой, с мозолями на коленях, он может двигаться легко и изящно, как балерина. Он аккуратно ставит ногу, проверяя поверхность, и только убедившись в безопасности, переносит на нее вес тела. Идя по пустыне, он время от времени срывает свою походную пищу – верблюжью колючку, но никогда не обдерет куст целиком, всегда оставляя растению возможность продолжать рост. Эта благородная черта – забота об экологии, разумное самоограничение, – как и всякие положительные черты, имеет свою оборотную сторону: у кормушки, поев из своей, он в силу привычки оставляет свой корм и лезет к соседу. Что, естественно, приводит к громким верблюжьим скандалам.

К середине первого дня, измучившись от жары, плохо видя мир вокруг – пот заливал глаза, – вы задаете себе резонный вопрос: какого дьявола вы за свои же деньги ввязались в эту авантюру?

Пешком идти трудно и утомительно. Ехать на верблюде – и того хуже. Пока хоть как-то пристроишься, весь зад отобьешь. На спусках приходится садиться задом наперед, иначе все свое мужское достоинство разможжишь о луку седла. А ехать задом наперед, наподобие Иванушки-дурачка, – странно, неприятно и унижительно. Вертеться же каждые несколько минут и того глупее. Затем раздражение нарастает: холм, еще один холм и еще один, и все они ничем не отличаются друг от друга. Ни тебе Парфенона какого, ни Лувра, ни Прадо, ни долины Луары с ее разнообразными замками, ни Ниагары с ее роскошными водопадами. Холм, еще один холм и еще, точь-в-точь как и те, что до него. И ни бара тебе, ни кафе, ни даже хоть какой-нибудь поганой забегаловки. С кондиционером, между прочим. Ничего. Кстати, о еде. Понятно, что на котлету по-киевски здесь рассчитывать не приходится. И на омара не приходится. И на осетрину. Но даже спагетти, каких-нибудь обычных, бесхитростных спагетти и тех нету: ни под соусом карбонара, ни под соусом болонез, ни под соусом песто... Никаких нету. А меж тем, не полез бы ты за романтикой, сидел бы сейчас в баре, пил бы пиво. Холодное, бельгийское. А может быть, чешское. Но обязательно холодное. И мелочь какая-нибудь рядом. Сушка. Маслины. Рыбка...

Да. Пройдет еще несколько часов мучительного раскаяния, которое затем сменится тупым безразличием, и только потом придет то, что никогда не приходило раньше. Необходимо время для того, чтобы увидеть пустыню. Чтобы очистились, промылись от привычной хмари глаза и удалось разглядеть то, что сравнимо лишь с величайшими достижениями человеческого гения, а может, и выше их...

Увидеть промытые зимними потоками, похожие на многоярусные итальянские оперные театры котлованы, откуда берут свое начало ущелья. Увидеть, как меняют свой цвет горы и холмы. Восхититься тем, с каким изяществом раскрывает свой зонтик акация, заметить похожую на молниеносную вспышку света газель... И тогда избалованные кулинарными изысками пупырышки языка впервые ощутят ни с чем не сравнимую роскошь и благородство вкуса воды, и соус из бедуинского сыра с оливковым маслом окажется изысканнее соусов,

которые делают прославленные шеф-повара знаменитых ресторанов, а вкус испеченной на огне лепешки затмит нежный благоуханный французский багет.

К ночлегу начинают готовиться часа за два до захода солнца. Стреноживают верблюдов, распаковывают седельные сумки.

Обрыв, под которым разбит лагерь, весь состоит из ракушек – когда-то здесь было море (не случайно их всегда сравнивают – пустыню и океан...). На песке – окаменевшие аммониты и прочие древние твари, повезет – отыщете окаменевшую рыбу. Гид сурово наставляет: после отправления большой нужды бумажку сжечь – пустыня должна быть чистой. На ночь свяжите шнурки башмаков: лисички очень любопытны – один башмак они запросто уволочут, а два – им не под силу.

На небе появляются звезды. И тогда, впервые за весь день, ты испытаешь чувство благодарности. Человек остается наедине с собой. Не одиноким – как там, откуда пришел, а наедине с собой и с Ним. Ибо в пустыне, под этим бескрайним звездным ковром, в этой звенящей тишине, мысль о Боге – самая естественная мысль на свете. И здесь, среди тех самых холмов, под теми самыми звездами, на которые смотрел праотец Авраам, вы, как и он, удостоитесь откровения. Скорее всего, оно будет другим – каждому по его мере, но после этого Авраам перестанет быть абстрактным персонажем из старинной книги и станет живым и близким, ибо теперь вас с ним объединяет общее переживание.

Наутро – снова в путь. Интересная вещь происходит со временем. С одной стороны, ты всецело от него зависишь: встаешь с солнцем, в полдень ищешь убежище от жары, к вечеру готовишься к ночлегу, ночью – спишь. А с другой – оно теряет свой смысл, утрачивает свою ценность, такую значимую в той жизни, где время – деньги. Поначалу, по выходе из Шахарута, начинается ажиотаж: а давайте за день пройдем пятнадцать километров! Нет – двадцать! Нет – двадцать пять! Но уже завтра человек начинает понимать, что абсолютно неважно, пройдет он за день десять километров или тридцать. Как здоровый человек не чувствует своего тела, так в пустыне ты не ощущаешь времени: день – вечность, вечность – день...

Но зато огромное значение приобретают мелочи: малейшее изменение оттенков песка, неба, следы животных... Попав в пустыню, постепенно человек осознает, что давно уже живет жизнью замусоренной, жизнью, которой управляют другие, жизнью, которую он тратит, в сущности, совершенно бессмысленно, и потому все его достижения в ней – эфемерны и сомнительны.

Только выйдя из пустыни, человек соображает, что прожил несколько дней без радио, газет, телевидения, компьютера и мобильного телефона, чего даже не заметил. И быть может... впрочем, для нашей книги это не суть важно. Важно то, что эпоха патриархов, да и они сами, гораздо ближе к нам, чем это кажется. Просто для того, чтобы в этом убедиться, надо побывать в пустыне...

Комментарий

Нам неизвестна эта дата,
но это место – вне сомнения:
земля и небо тут когда-то
соприкоснулись на мгновение.

Я много съел восточных блюд,
и вид пустыни мне привычен,
я стал задумчив, как верблюд,
и, как осел, меланхоличен.

Глава 4

Итак, Авраам странствует по стране, время от времени разговаривая с Господом.

Во время одного из таких разговоров Господь пообещал Аврааму все на свете и еще столько же, а взамен потребовал самую малость – крайнюю плоть. Авраам прикинул, что сделка выгодная, и обрезал себя (это в девяносто девять лет!) и всех вокруг. С тех пор евреи только и делают, что обрезаются, но Господь не торопится исполнять свои обетования. Грустно, конечно, но само обрезание – оно, надо признать, человеку только на пользу. И кстати, не только еврею. Как выяснилось, даже СПИД (не говоря уже о других заразах) на обрезанный конец липнет гораздо реже, чем на необрезанный. Выяснили это с тщательной доскональностью в Африке. Вопрос сейчас состоит не в том, обрезать или не обрезать, ежу понятно, что обрезать, а в том, обрезать ли обезьян – ведь СПИД пошел от них. Ученые, теологи и политики пока еще не пришли к однозначному ответу.

Места, по которым Авраам бродил, более или менее известны, но по нынешним временам не все они доступны для посещения. Точнее, для посещения доступны, но вернуться – уже проблема.

Сами посудите: охота вам у дуба Мамрэ, где Авраама известили о будущем рождении Исаака, вместо трех благостных ангелов встретить пару-другую доблестных бойцов Палестины, которые несут всему миру, и вам в том числе, совершенно иную благую весть?..

Зато есть возможность посетить города Содом и Гоморру, благо они на территории Израиля. То есть возможность есть, но самих городов нету. Ежели Господь берется за дело, то доводит его до конца. А дело в том, что в тех городах жили – как бы это правильно выразиться – ну, в общем, большинство там составляли сексуальные меньшинства, кроме Авраамова племянника Лота с семейством. Господь же придерживался очень старомодных нравов, Он считал, как и наш покойный президент Вейцман, что «мужчина должен быть мужчиной, а женщина – женщиной». За это кошмарное заявление президента чуть живьем не съели, поскольку политическая корректность требует совершенно иного утверждения: что мужчина может не быть... или быть не должен... в общем, мы запутались... Одним словом, если в случае с Вейцманом сексуальные меньшинства одержали верх и он, бедняга, долго объяснял, что он не то имел в виду, и вообще, то в истории с Содомом все было ровным счетом наоборот. Все-таки Господь есть Господь, и от грешивших поселений не осталось вовсе ничего, даже туристического объекта. В этой истории Авраам наконец проявил мужество и пустился с Богом если не в спор, то в торг, в ходе которого Господь цену за пощаду означенных городов с пятидесяти праведников спустил аж до десяти (увы, и стольких не нашлось). Кстати, торгуясь на арабском базаре и в еврейской лавке, не забывайте о примере патриарха. В пять раз цену вам сбить вряд ли удастся, но на треть (если хотите уважать себя и чтобы вас другие уважали) вы просто обязаны!

Короче говоря, Содом и Гоморру истребил Господь серой и огнем вместе со всем населением и пощадил при этом только Лота с его семейством, присоветовав уносить ноги как можно быстрее, что тот и сделал. Однако при этом Господь устами ангела своего заявил: «Не оглядывайся назад».

Но разве женщина послушается, особенно ангела? В результате жена Лота стала туристическим объектом, который являет собой соляной столп в массиве горы Содом (у Мертвого моря). Мы хотим заметить, что видели точно такой же поблизости от шоссе, куда он, очевидно, перебрался для удобства туристической публики. Да, пострадала Лотова жена, а если поразмыслить, то совсем не случайно, ибо последнее это дело – оглядываться назад. Какой в этом смысл? Как говорится, что было, то было и бывшем поросло. А любая попытка оглянуться и остаться в прошлом приводит к тому, что все существо ваше становится соле-

ным (а на засоленной почве прорасти ничего не может), и мертвым становится человек, чьи глаза и сердце устремлены назад.

История эта так подействовала на Авраама, что он опять пустился в путь и добрался после разных приключений к месту, которое называется Беэр-Шева, что переводится как Семь колодцев. Существует и другой вариант перевода – Колодец клятвы (в память договора с местным царьком Элимелехом). Колодец можно видеть прямо в центре города при очень среднем ресторане, который так и называется: «Колодец Авраама». Что с несомненностью дает нам основание сказать: это было здесь!

По непонятной нам причине Господь ужасно возлюбил вещать именно в Беэр-Шеве. Ладно бы только Аврааму, но и Исааку, так что будучи в Беэр-Шеве, держите уши открытыми – поди знай...

В общем, все шло путем, но тут Сарра умерла. Авраам откупил пещеру, именуемую Махпела, в Хевроне и превратил ее в семейную усыпальницу. Здесь похоронены все три патриарха – Авраам, Исаак, Иаков и все три праматери – Сарра, Реввека, Лия. Рахиль же упокоилась недалеко от южной окраины Иерусалима, по дороге в Вифлеем. Хевронская пещера, в отличие от многих других посещаемых туристами мест, сомнений ни у кого не вызывает, что позволяет нам уверенно заявить: это здесь! Впоследствии царь Ирод с размахом и шиком обустроил это место. Далее оно расширялось как физически, так и во всех прочих смыслах. Византийцы туда приписали и гробницу Иосифа, например. Мусульмане, которые по праву младшей религии присвоили всех предыдущих святых иудаизма и христианства, тоже неравнодушны к этому месту (в конце концов, им Авраам совсем не чужой).

Что творится в самой пещере (народ имеет доступ только к кенотафам), не знает никто, кроме генерала Моше Даяна. Он в 1967 году, когда в ходе Шестидневной войны израильские войска захватили Хеврон, спустился в пещеру, чего раньше не осмелился сделать ни один человек, – на то он и был легендарный генерал. Но поднявшись – ничего никому не сказал. Как будто в рот воды набрал. И сколько ни допытывались дружки-генералы, как только ни соблазняли его отборные представительницы женского военного корпуса, какой только виски ему ни наливали, стоило речь завести о пещере, как генерал замыкался и молчал, как древний Муций Сцевола под пыткой. Этот факт (весьма удивительный – поскольку нет тайны, которую не раскрыл бы израильский генерал хоть кому-нибудь) заставляет нас прийти к двум умозаключениям.

Первое – в пещере не было ничего вообще, иначе Даян непременно хоть что-нибудь, да упер. (Его отличала горячая любовь к археологии, но вовсе не для пользы государства.) А может быть, он просто ничего не разглядел: темно, и глаз-то у Даяна был всего один.

Эта история не помешает нам с уверенностью утверждать, что как праматери, так и праотцы похоронены именно здесь!

И добавим, что по смерти Сарры и до своей безвременной кончины (сто семьдесят пять ему было) Авраам разыграл и народил еще аж шесть детей. Это от новой жены Хеттуры. Кроме того, в Библии упоминаются «сыны наложниц», но количество их не сообщается, а это, учитывая обычную дотошность цитируемого текста, дает нам основания думать, что сосчитать их было попросту невозможно. Седина в бороду – бес в ребро. Но где именно все это происходило, нам, увы, неизвестно. Не обессудьте.

Теперь наше внимание переносится на сына Авраама, на Исаака (того самого, травмированного в юности – и кем! – родным отцом), уже немолодого женатого человека.

Надо сказать, что довольно многие качества папаши передались сынку.

В частности, сомнительная привычка выдавать жену за сестру. Что поделать: ген, как говорится, не вода. Пожив немного в окружении чужих племен, он добрался до Беэр-Шевы, где Господь с ним немедленно заговорил. К сожалению, точное местоположение беседы нам установить не удалось, но это было здесь.

Меж тем у Исаака народились дети, и старший из них, Исав, за чечевичную похлебку продал свое первородство младшему, Иакову. Было это между Хавелой и Суррой, что «пред Египтом, как идешь к Ассирии». Сами понимаете, адрес довольно размытый, и точно указать место, где произошло это событие, мы не можем.

Чечевичная похлебка – уже третье упомянутое в Библии блюдо. Первое, как известно, – плод Древа познания добра и зла, произраставшего в раю, который, по некоторым сведениям, располагался тогда (теперь он в Америке) в районе киббуца Афиким, что рядом с озером Кинерет. Относительно того, какой именно плод это был, мнения расходятся. Христиане называют яблоко, хотя, по логике вещей, откуда тогда в Афикиме яблоки? С другой стороны – всякое может быть. Евреи (лучше осведомленные о возможностях сельского хозяйства в Эрец-Исраэль) колеблются между инжиром и гранатом. Свежий инжир очень вкусен и красив. Гранат тоже.

Второе блюдо упомянуто в связи с трапезой, которую устроил Авраам для трех ангелов под дубом Мамрэ. Состояла она из хлеба, телятины, масла и молока – сочетание, ставшее впоследствии запретным для религиозных евреев. Впрочем, что позволено Аврааму... А вот рецепт чечевичной похлебки мы с удовольствием предлагаем вашему вниманию. Он с тех пор совершенно не изменился.

Итак. Замочить 300 г чечевицы на ночь. Поутру измельчить 2 луковицы, 1 морковь, 2 зубчика чеснока, чабрец, 1 корень сельдерея, все это смешать с чечевицей и варить в двух литрах воды на среднем огне до готовности. Сварить вкрутую 4 яйца. Когда варево будет готово, процедить через сито. Спассеровать в 4 столовых ложках оливкового масла 2 столовые ложки муки, затем развести это в чечевичной похлебке, добавить соль, молотый черный перец, молодую красную паприку, довести до кипения, снять и подать старшему брату в керамических плошках с мелко нарубленными яйцами. Наслаждаясь этим блюдом, подумайте, стоило оно первородства или нет.

Затем Исаак благословил Иакова и умер. На этом история Исаака как создателя туристических объектов заканчивается, и мы подходим к его сыну Иакову.

Как вам хорошо известно, благословение это Иаков получил опять же (ну и семейство!) обманным путем и, не без основания опасаясь семейного скандала, удрал из дома и отправился в Месопотамию жениться. По дороге он остановился на ночлег в «одном месте», а поскольку подушку он второпях забыл дома, положил под голову «один из камней». Там ему привиделся сон с лестницей, по которой ангелы шныряли туда-сюда, и Господь, хоть это и не Беэр-Шева, все-таки с ним поговорил.

И такого ему наобещал, что просто ужас. В смысле, что все будет хорошо. Перепуганный («и убоялся») Иаков немедленно нарек это место Вефиль – Дом Божий, то есть Бейт-Эль. И тот камень поставил в виде памятника.

Если вы хотите сами убедиться в правдивости этой истории, поезжайте в Бейт-Эль (это недалеко от Иерусалима; впрочем, здесь все недалеко) и спросите у первого же встречного. Вам каждый покажет.

Надо сказать, что вскоре Иакова тоже крепко надули. И справедливо. Чего может еще ожидать жулик? Нет-нет, мы имеем в виду не обещания Господа, хотя, честно сказать, они и по сию пору не выполнены. (С другой стороны, обещать-то Он обещал, но когда – не сказал. Очень разумно, между прочим.)

Надул Иакова его же собственный месопотамский родственник Лаван, посуливший за работу (на семь лет его уговорил!) одну дочь, а подсунувший другую. Вместо красотки Рахили он всучил куда менее красивую, да еще «слабую глазами» Лию.

Здесь надо заметить, что на Востоке всегда водились отвратительные глазные болезни, всякие трахомы и прочая гадость. Не помог даже госпиталь с первым в здешних краях офтальмологическим отделением, который основали рыцари-иоанниты в Иерусалиме

совсем рядом с церковью Марии. Остатками его (если вам еще не надоело глазеть на камни) вы можете любоваться совершенно бесплатно. И это было здесь. Но недолго.

Потом за дело принялся добрый доктор Тихо, о котором будет рассказано в главе про искусство, поскольку его жена была классиком израильской живописи (или точнее – графики). Теперь здесь водятся и вовсе замечательные врачи, но тогда дело обстояло совершенно по-другому, а Лия, как уже говорилось, была слаба глазами. Ну хорошо, а куда Иаков смотрел? Куда, куда... пить меньше надо, вот куда. Особенно на собственной свадьбе. Так что за Рахиль пришлось еще семь лет служить. Таким образом, у Иакова оказалось две жены: одна больная и не очень (в смысле лица и фигуры), а другая – наоборот. Но вот что интересно: Лии наш Господь «отверз утробу», а Рахили – нет. Это значит, что Лия рожала каждый год, а Рахиль – нет, что ей было обидно. Поэтому она подсунула мужу свою служанку, в ответ на что Лия сделала то же самое. У служанок утробы оказались вполне отверсты, и в результате этого открытого брака (бедный Иаков еле успевал крутиться) народилась уйма младенцев мужского пола и одна девочка. Все было совершенно замечательно, и в довершение всему «вспомнил Бог о Рахили» – и что? – правильно! – ей тоже «отверз утробу». Так что и Рахиль родила, все были счастливы и немедленно пустились в путь.

Надо заметить, что в Иакове жил талант стихийного естествоиспытателя, истинного селекционера и незаурядного генетика. Кто этим интересуется, пусть почитает в Библии, что он натворил с Лавановым стадом, отомстив ему таким образом за коварство, проявленное в первую брачную ночь.

На дорогу Рахиль стащила у папаши Лавана его любимых идолов. Славненьких, чудненьких домашних идолов. Впрочем, чему удивляться: с кем поведешься, от того и наберешься. А набираться было от кого, практически – от всех. Обиженный папаша погнался вдогонку. Собственно, древняя эта семейная свара не стоила бы нашего внимания, когда бы не одно обстоятельство. Лаван с Иаковом заключили союз, то есть попросту помирились, в ознаменование чего Иаков «взял камень и поставил его памятником». То есть ежели вспомнить дело в Бейт-Эле, мы видим, что при первой же возможности Иаков ставит памятник. И это несомненно позволяет нам считать Иакова родоначальником туристического бизнеса на Ближнем Востоке. К сожалению, этот памятник он учредил в Гилеа-де, что, увы, за пределами современного государства Израиль.

И еще одно событие, которое необходимо отметить. Поставив памятник, Иаков снова пустился в путь, и там, где шоссе № 90 подходит вплотную к границе с Иорданией и ручей Яббок впадает в реку Иордан, герой наш залег спать. Лег спать здоровым человеком, а встал хромым. Такое редко, но случается.

Нам довелось учиться с одной девицей по фамилии Адмони-Красная. Так вот она исхитрилась сломать себе ногу в постели, причем утверждала, что была там совершенно одна. Вот и Иаков. Правда, он утверждал, что было это не во сне, а наяву, и не один он был, а боролся с самим Господом, причем так напористо и отважно, что пришлось последнему прибегнуть к сомнительной чистоты приему, а именно – «повреждению состава бедра». Думается, здесь в Библии приключилась опечатка и правильно читать следует «сустава бедра» – тогда все (за исключением сустава, конечно) встает на свои места. Таким сомнительным образом Господь добился ничейного результата. Но совесть в Нем, по-видимому, была неспокойна, и Он переименовал Иакова в Израиля (очевидно, это имя Ему казалось более значительным и благозвучным и выглядело достаточной компенсацией за причиненное увечье). И опять наобещал с три короба и «благословил его там». Что позволяет нам с полной ответственностью снова заявить: это было здесь!

Вышеупомянутый турнир дал немалому количеству комментаторов возможность проявить свои разнообразные способности, и было бы глупо нам упустить свой шанс. Так вот. Сдается нам, что на деле все было не так. Скорее всего, Иакову, уставшему после долгого

перехода, взволнованному объяснениями с Лаваном и утомленному строительством памятника, все причудилось. И боролся он не с Богом, а с самим собой. (Как Адмони-Красная.) А в борьбе с самим собой есть высокий смысл. Ибо никого так не бывает тяжело одолеть, как себя самого. Нет у нас большего врага, чем мы сами. Впрочем, эта свежая мысль принадлежит не нам. Мы ее позаимствовали.

Несмотря на неполадки с бедром, Иаков двинулся дальше и вскоре пришел в Шхем. К сожалению, в город этот, полный значительных туристических объектов, как, например, гробница Иосифа (сына нашего героя), колодец, который выкопал Иаков, римские мавзолеи, дуб, у которого возвел алтарь Авраам, и множество других весьма привлекательных вещей, – нынче заходить не рекомендуется. Потому что запросто можно там и остаться. Вовсе не по собственному желанию.

И даже если сразу не убьют, то вскоре попросту затрахают (конечно, если ты мужчина – такой уж у них нрав, у тамошних жителей, или, во всяком случае, так убеждены прочие арабские жители Израиля и Палестинской автономии). Но праотцу все это было неизвестно. Он пошел и, по своему обыкновению, учредил там несколько туристических объектов: колодец, о котором мы уже говорили, и алтарь.

Но тут очередной раз приключилась неприятная история. Один местный житель из приличной семьи изнасиловал дочь Иакова Дину. В ответ ее братья устроили в Шхеме резню. Понять их можно, но нельзя не осудить, о чем Иаков так и заявил: «Вы возмутили меня». Подробности – в первоисточнике. После чего он двинулся в Бейт-Эль, где опять же воздвиг памятник. (Рекомендации о посещении Бейт-Эля смотри выше.) До того он всех идолов, бывших в распоряжении семейства, а также семейные драгоценности, закопал «под дубом, который близ Шхема». Место это, к сожалению, нам неизвестно. Воздвигнув памятник, он было двинулся дальше, но тут приключилась беда: то есть сразу и радость, и беда. Радость – что Рахиль опять «отверзла утробу», то есть родила второго сына, которого назвали Вениамин. А беда в том, что при родах она померла. По своей привычке «Иаков поставил над гробом ее памятник. Это надгробный памятник Рахили до сего дня». А поставлен по дороге в Вифлеем, неподалеку от Гило. Чтобы, когда по этой именно дороге будут угонять народ в Вавилонское пленение, могла Рахиль об этом сокрушаться. Как сказано – «плачет Рахиль по детям своим». И это было здесь. Кстати, Вениамин родился чуть севернее этого места, если ехать по Хевронскому шоссе в сторону Старого города. Сперва по правую руку будет старинный монастырь Мар Элиас (о нем позже), а за ним – автозаправка. Вот на ней (в смысле, на том месте, где ее построили) и родился младший сын Рахили. Сам факт возведения автозаправки именно тут свидетельствует о чуткости прекировщиков к семантической связи израильского автомобилиста с кочевым образом жизни далеких предков. Короче, это было здесь!

А дальше – опять трагедия. Сколько раз было сказано: если по-разному относишься к своему потомству, заметно это быть не должно. Впрочем, Иакову современные педагогические теории были напрочь неизвестны, и мало того, что он любил первенца Рахили больше других сыновей, он ему еще и «разноцветную одежду» подарил (по слухам – рубашку). Это была последняя капля, которая переполнила чашу терпения братьев Иосифа. А если учесть, что вдобавок Иосиф постоянно стучал папаше на своих братьев, то можно понять, что они «не могли говорить с ним дружелюбно».

Короче, поначалу они попросту хотели пришить стукача, но потом продали его прохожим купцам за двадцать сребренников. Таким образом Иосиф попал за границу, в Египет, и вышел за рамки наших интересов. А вот продали его на том самом месте, где теперь стоит город Дженин. Место это каким было пакостным, таким и осталось. Народ больно скверный. Иисус Христос, добрая душа, десять прокаженных здесь излечил, и что вы думаете, они хотя бы сказали спасибо? Один-единственный...

Меж тем, как известно, Иосиф сделал в Египте хорошую карьеру (дай Бог вам не хуже) и перетащил туда всю семью. Совсем недавно археологи отыскиали в Египте клад, а в нем монеты с профилем приятного мужчины и подписано: Иосиф. Похож, кстати. Мы опускаем множество волнующих подробностей, потому что к Эрец-Исраэль (Земле Израиля) все это не имеет отношения. Поначалу все было хорошо, а потом, как водится, все стало плохо.

Начнем с того, что по сравнению с предками Иосиф помер совсем безвременной кончиной в возрасте ста десяти лет. Братья же его с их потомством жили не просто хорошо, а даже очень хорошо. Как сказано: «Расплодились... возросли и усилились чрезвычайно». Ну ладно – расплодились, ну ладно – усилились, но пыль зачем в глаза пускать? В результате пребывание евреев в Египте коренному населению не особенно нравилось. И, честно говоря, его можно понять. Тут чуткое к настроению народа начальство приняло надлежащие меры, а именно: «Изнуляли их тяжелыми работами». С тех пор эта египетская история повторялась неоднократно в самых разных странах. Евреи на опыте истории не учатся, хотя имеют репутацию умного народа. Так что прав был человек, заметивший, что считать евреев умным народом – это просто особо изысканный вид антисемитизма.

В общем, изнуляли там евреев, изнуляли, покуда не появился Моисей и не принял кардинальное решение. И спас евреев от египтян (и наоборот). Меж тем сам Моисей жил при дворе фараона совсем даже неплохо. Однако же всегда и всюду существуют люди, совершающие алогичные поступки, и, по счастью, Моисей был именно таким. Загоревшись идеей исхода из Египта, он мало на что другое обращал внимание, а выведя евреев на свободу, посмотрелся к ним и просто пришел в ужас. Перед ним стояло скопище рабов, чьим идеалом был сладкий лук, который им кидали в Египте. Вкусовая ностальгия – страшная вещь. Плача, перечисляли они разнообразные деликатесы: огурцы, дыни, мясо, рыбу (по-видимому, нильскую принцессу – разновидность окуня). Но лука (как и всего остального) больше не было, манна небесная вкус имела непривычный, и люди чувствовали себя плохо. Сегодня благодаря передовой технологии проблема с луком решена, как, впрочем, и со всем остальным: русские магазины Израиля обеспечивают своих клиентов воблой, килькой и шпротами, полтавской и московской колбасами, киевскими и петербургскими тортами, мороженым пломбир и эскимо, водками различных сортов, поддельным грузинским вином, а люди, как ни спросишь, – недовольны... Так что выясняется – не в луке дело, хотя с ним, конечно, жить приятнее.

Ладно, решил Моисей: вот приведу их в Землю обетованную, ту самую, где бродили патриархи, роя колодцы и воздвигая памятники, и все успокоятся. (Все-таки сколь наивны бывают люди, обуянные великой идеей!) И привел. И на всякий случай послал вперед разведчиков, по одному от каждого колена. Выражение это не следует понимать буквально: имеется в виду – по представителю от каждого из племен, вместе образующих народ Израиля. (Для тех, кто не знает: племена эти являются потомками сыновей Иакова и детей Иосифа, общим числом двенадцать.) Слово «колено» целиком и полностью лежит на совести древнерусского переводчика, а что он имел в виду, нам неизвестно. Как бы то ни было, десять вернувшихся разведчиков сообщили, что страна населена высокорослыми людьми. Это уже было достаточно страшно. Но главное, отметили разведчики, что земля эта – «поедающая живущих на ней» (надо отметить, что довольно проницательными людьми были эти ребята). Зато двое из оставшихся разведчиков притащили здоровенную виноградную гроздь, до того огромную, что пришлось им ее тащить на палке. Чтобы понять, как это выглядело, достаточно взглянуть на эмблему Министерства туризма. Кроме того, они сообщили, что это – «земля, текущая молоком и медом». Тут возникает подозрение, что ребята выпили перебродившего виноградного сока – сиречь домашнего вина – и крыша у них изрядно поехала. Потому что, судя по нашему опыту, в Израиле течет все, что угодно, только не мед и молоко... Даже вода и та здесь течет не слишком. Хотя поди знай: может, в те времена все было по-

другому. Как бы то ни было, но люди возражали, упирались и идти в Землю обетованную наотрез отказывались.

Поглядев на сброд, перед ним топтавшийся, Моисей тяжело вздохнул, огляделся вокруг, но вспомнил слова Теодора Герцля – «других евреев у меня нету» – и решил из сброда сколачивать народ. Для начала он принялся гонять их взад-вперед по Синайскому полуострову. Такое хождение длилось аж сорок лет. По одной теории, Моисей ждал, покада вымрет поколение рабов, чтобы в Страну Израиля вошли народившиеся на свободе люди; по другой версии, он просто плохо ориентировался и с географией у него были нелады.

Но говорят еще, что на вопрос ангела, чего он так резину тянет, Моисей искренне признался, что с этими людьми ему просто стыдно появляться на центральных улицах Тель-Авива...

И все же, несмотря на то, что эти люди были неблагодарными занудами и плаксами, бесконечно ныли и жаловались, что шампунь и дезодоранты были им недоступны, что при раскопках не обнаружили ни одной зубной щетки, все же нам хочется сказать несколько добрых слов в их адрес. Ибо неважно, по какой причине пустились они в путь, но именно они сделали этот первый и самый важный шаг. Да, им не выпали все те блага, на которые они так рассчитывали и которых так жаждали. Жизнь их крепко обманула. Невежественные, несчастные и разочарованные, они стали обреченным на вымирание поколением пустыни. Но только благодаря им сегодня мы, их дальние потомки, имеем возможность делать то, что считаем нужным, поступать так, как заблагорассудится, и самим ориентироваться в своей судьбе. Хотя особенно зазнаваться нам все же не стоит, ибо Египет – понятие отнюдь не географическое или, скажем так, не только географическое. Свобода требует от нас постоянных усилий, и именно поэтому пасхальное сказание Агада, которое мы читаем в праздник, посвященный выходу из рабства на свободу, говорит о том, что каждый человек, где бы и когда бы он ни жил, должен видеть в себе того далекого предка, который сделал первый и самый главный шаг. И так же, как он, несмотря на лук, жару, мух и прочие разнообразные соблазны, пакости и трудности, упрямо идти вперед.

Меж тем Господь часто разговаривал с Моисеем и однажды уговорил его взять заповеди. Совершенно бесплатно. Поначалу заповедей-запретов было ужас как много, но Моисей знал свой народ, поэтому отчаянно торговался и сумел крепко снизить их число. По большому счету, заповеди были не такими уж плохими, а для того темного времени – невероятно прогрессивными. И не случайно они полностью определили все этические принципы человечества на многие тысячи лет вперед. Все это происходило на горе Синай, которая, по общему мнению, находится на одноименном полуострове, однако есть ученые (Имануэль Анати, например), которые помещают ее в Негеве – там, где стоит гора под названием Карком, что позволяет нам триумфально заявить: это было здесь! (Или все-таки там?..)

Но что же евреи получили на горе Синай? Что было выбито на этих каменных скрижалях? (Как их Моисей дотащил – одному Богу известно.) Почему не только евреи, но почти весь мир благоговейно помнит Библию?

Ну, два первых завета мы пропустим. Ибо признание и почитание единственного Бога и категорический запрет поклоняться иным кумирам – тема, по которой мы настолько ничего сказать не можем, что и не хотим нисколько. Может быть, еще и потому, что вера – дело чисто личное, даже интимное отчасти. Из людей, что видим мы вокруг, лишь ультра-ортодоксы – всей своей одеждой и обликом – выставляют для всеобщего обзора свои религиозные предпочтения. Опять-таки не нам их обсуждать, хотя их очень жаль в палящую жару. Впрочем, в означенную жару жалко всех, а больше всего себя самого. Что же до ультра-ортодоксов, то, по тонкому замечанию Башевиса-Зингера, их внешний вид есть веский аргумент в пользу существования Бога, ибо ни эволюция, ни естественный отбор такого сочинить не в силах.

А третий выданный завет весьма загадочен: не произносить имя Господа всуе, то есть попусту, напрасно и походя. Но мы ведь непрерывно это делаем! Мы поминаем имя Бога непрестанно, без всякой к этому необходимости. И даже более того – не замечая, насколько машинально мы грешим. То разозлясь и негодуя, то от некой неожиданной приятности и неприятности, то попросту споткнувшись (или чуть не споткнувшись), поминает человек Божье имя. (Тут заметим в скобках, что многие из нас в минуты эти употребляют вовсе иные слова и выражения, но ведь они, таким образом, и не грешат нисколько.) Словом, тут мы ничего не понимаем.

Соблюдение субботы, предназначенной исключительно для отдыха, – завет замечательный. И лично мы в субботу ничего не делаем с тем большим удовольствием, что в этот день не чувствуешь вины за свое полное безделье. Тут как раз беда у людей истово верующих, ибо еврею очень трудно целый день прожить, полностью отрешась от делового мельтешения. В силу чего религиозные евреи в этот день обманывают Бога хитроумнее, чем в другие дни недели. Так, нельзя, к примеру, ехать в этот день на чем угодно. А если дела сложились так, что ты в субботу еще едешь в поезде? Прикажете сходить и ждать? Конечно, нет! Приносится тазик с водой, вы опускаете в этот тазик ноги в ботинках, и все в порядке, потому что плыть – можно! Это, конечно же, байка, но, на наш взгляд, весьма характерная. В субботу, как давно уже истолковали мудрецы, нам ничего нельзя переносить из дома в дом. А как же жить? И несколько домов (а то – квартал) опутывают ниткой – теперь это единое помещение, и деловая жизнь не будет прерываться. Даже ключи нельзя носить. Но ведь они соединяются цепочкой, так что это просто украшение. А запрет на деловые разговоры? Но вставляется простая фраза – «Не в субботу будь сказано», – и даже в синагоге можно тихо побеседовать о насущных деловых проблемах. Ухищрениям такого рода – нет числа, они описаны множеством участников и наблюдателей. Ибо чем выше, глуше и прочнее стена любых запретов, тем изящнее и многочисленнее сверлимые в ней дыры и лазейки.

Почитание отца и матери – нужнейшее для человечества предписание. И чтобы ничего не говорить тут лишнего, мы предлагаем просто вспомнить каждому (и не расстраиваться, забыв), как мы в молодости относились к этому завету. О чем впоследствии, добавим к нашей чести, горько и необратимо сожалели.

А далее было начертано невыполнимое: не убий. А как же вся история человечества? И даже те из нас, кто если этого и не делал лично, то настолько соучаствовал (а уголовный кодекс соучастие трактует как участие) во всем, что совершало его время... лучше это просто упустить из обсуждения.

Еще с горы Синай евреям предписали очень кратко: не прелюбодействуй. Как ни торговался Моисей, а отвертеться от сего запрета не сумел. А ведь завет почти невыполнимый. Соблюдают его полностью лишь те, кто в силу разных обстоятельств и причин его не могут нарушать. О том, как это огорчило именно евреев, существует множество анекдотов. Интересно и забавно, что спустя столетия ревностный иудей, приверженец и толкователь всех заветов, Иисус Христос, довел этот завет до полной невозможности его исполнить. Он сказал, что «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». И мышеловка окончательно захлопнулась. Ибо представить себе мужчину (за известным исключением, разумеется), не смотревшего на женщин с вожделением, означает представить себе не мужчину, а женщину (впрочем, и те, бывает, смотрят на особ своего пола куда как плотоядно). То есть никак и никому не избежать греховности по части этого завета.

«Не укради» – весьма полезное (и столь же напрасное) для человечества наставление. Только не сказано, что именно нельзя (ибо греховно) красть. Все, что чужое? Ну а если оно именно твое, принадлежит тебе по праву, у тебя же и отобрано, только добром ты возратить его не можешь – как тогда? И даже воры профессиональные – уж крайний случай! – для себя придумали отмазку: мы попросту находим то, что человек еще не потерял. И потому

для множества житейских краж мы с легкостью подыскиваем оправдание: то никому это не нужно, кроме нас, то это было нам недодано, хотя и полагалось бы при честном дележе, и мы всего лишь восстанавливаем справедливость. В советской жизни это было очень даже праведно. И кто-то из мыслителей такую ситуацию удачно сформулировал: «Сколько у нашего государства ни воруй, все равно свое не вернешь». И мы убеждены, что самый честный в мире человек, если расслабится и память оживит, наверняка припомнит нечто, что слегка пригасит в нем праведное осуждение крадущих. А кто заявит вслух, что он по части присвоения чужого чист, как детская слеза, – в него пускай немедля кинут камень, чтобы лучше вспоминать.

«Не произноси ложного свидетельства о ближнем твоём». О чем это? О клевете? О злоязычии? Об осуждении – почти всегда облыжном, ибо мы не знаем всех мотивов и причин того, что склонны осудить? Или о лжи как таковой? Но без нее немыслима любая будничная жизнь. Ложь во спасение, к примеру. Или проблема мелкая донельзя: встретили знакомую, которую давно не видели, и больно вам, как постарела эта женщина. А тут она как раз и спрашивает вас: ну что, я сильно постарела? И достоин крепкой кары тот подлец, кто скажет правду.

А дальше на скрижалях содержалось нечто важное и крайне трудное для исполнения: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что есть у ближнего твоего». То есть о зависти и алчности идет здесь речь. Как и в заветах предыдущих, речь идет об обуздании нашей буйной человеческой натуры.

Такие вот две каменные скрижали получил от Бога наш великий предок Моисей. И есть еще легенда – ежели она правдива, мы должны быть благодарны нашему праотцу, – что была и третья скрижаль, но он ее, по счастью, выронил, она разбилась, и каких-то запрещений мы лишились.

Как уже было сказано, отважный Моисей повел толпу назад в пустыню. А Господь (по-видимому, в некотором ажиотаже после успешной сделки) дня не мог провести без того, чтобы не поговорить с Моисеем, и посоветовал ему массу дельных вещей, исполненных гуманизма и всего такого прочего. Однако же, как это часто случается с сеятелями добра, Его маленько заносило. В один из таких заносов Он навязал евреям кашрут – ограничения в еде, деление еды на разрешенную и полностью запретную. В результате этого прискорбного решения евреи лишены не только возможности делать к мясу соусы на базе сливок, но также наслаждаться такими вкуснейшими вещами, как устрицы, омары, креветки, осетрина и даже тушеный в сливках заяц, уж не говоря о ветчине и буженине.

А еще – чтобы заветные скрижали не уперли, для них сделали ковчег. Ковчег Завета. Почетная задача исполнения ковчега была поручена человеку по имени Бецальель, который таким образом оказался первым еврейским художником.

Комментарий

В любом краю, в любое время,
никем тому не обучаем,
еврей становится евреем,
дыханьем предков облучаем.

Чтоб созрели дух и голова,
я бы принял в качестве закона:
каждому еврею года два
глину помесить у фараона.

В пыльных рукописьменных просторах
где-то есть хоть лист из манускрипта
с текстом о еврейских жарких спорах,
как им обустроить жизнь Египта.

Евреев выведя из рабства,
Творец покончил с чудесами,
и путь из пошлого похабства
должны отыскивать мы сами.

Устав от евреев, сажусь покурить
и думаю грустно и мрачно,
что Бог, поспеша Свою книгу дарить,
народ подобрал неудачно.

Присущий всем евреям дух сомнения
ни Богом не дарился, ни природой;
похоже, он идет от поколения,
ушедшего в пустыню за свободой.

Уверен я, что Бог, даря скрижали,
сочувствием и жалостью томим,
хотел, чтоб мы сперва соображали,
а после только следовали им.

Наследственного знания вериги
стесняют жизнечувствие мое,
печальные глаза народа Книги —
от вечного чтения ее.

Глава 5

Спустя много лет после этого незаурядного события, а именно в 1906 году, произошло другое и тоже незаурядное: в городе Иерусалиме открылась Академия изящных искусств, названная именем того первого израильского художника – «Бецалель». Честно признаться, мы приступаем к написанию главы о пластических искусствах Израиля в смятении сердца и душевном волнении. Начнем с того, что совершенно непонятно, как нам пользоваться местоимением первого лица: во множественном или единственном числе. До сих пор мы вполне успешно, на наш взгляд, обходились множественным, ибо таково чудесное строение русского языка, что это самое местоимение может в зависимости от ситуации восприниматься то как множественное, то как единственное. Но сейчас, видите ли, разговор пойдет о любви, и употребление множественного числа может привести к двусмысленностям и, упаси Бог, быть понято превратно, а то – и совершенно превратно. К примеру: «Мы влюбились». Кто мы? Мы – я или мы – оба? Или вот еще: «Наша супруга». Наша в смысле моя или она у нас на двоих? (Во избежание кривотолков мы сразу хотим сообщить, что у каждого своя.) Короче, положение сложное, уж явно – не простое. И вот мы приняли решение в этой главе пользоваться обоими вариантами: в зависимости от ситуации читатель сам разберется, что именно имеется в виду: мы как мы, или мы как я, или я как я, или я как мы.

Итак, любовь... Случалось ли вам, читатель, увидев портрет женщины, жившей многие, порой сотни, а то и тысячи лет назад, почувствовать неизъяснимое душевное волнение, теснение сердца и перехват дыхания? Нам случалось. Ибо истинному союзу сердец как пространство, так и время равным образом не помеха.

Вот, к примеру, один наш приятель посетил как-то остров Крит. И не один, с супругой. Там как-то поехали они на очередные раскопки. Черт знает где. В центре острова. Высоко в горах. Еле добрались. Целью их были развалины дворца одного из братьев царя Миноса. Рядом с этими руинами теснились несколько домов – крохотная горная деревенька. Честно говоря, можно было и не ехать. Такие же камни, как и во дворце самого Миноса, только совсем разваленные и очень далеко от центра тамошней цивилизации – города Гераклиона. Ну, добрались они туда (часа три по бездорожью), а камни закрыты. Обидно. Стоят они, значит, у забора и переживают. Вдруг откуда ни возьмись выходит гречанка. Немолодая уже. Как водится, вся в черном. Взгляд огненный, спина прямая, походка гордая, ну, по его словам, – чистая Клитемнестра. (Надо сказать, приятель наш – натура романтическая, а тут, сами понимаете, кругом живая история, да еще в подходящих декорациях.) Они гречанке говорят: как бы нам на эти камни посмотреть?

Она в ответ: я, говорит, открою, но с условием, что прежде вы попьете кофе.

Такое у них принято на Крите: чуть увидят странника, тут же поят его кофе, а чаще (ежели мужчина) то узо или ракией. И только потом разговаривают. Славный обычай.

И вот входят они в дом. Большая комната. Живут там, особенно в местах, где турист раз в год встречается, ох небогато. Так вот – комната, большая: пара столов, стулья с плетеными соломенными сиденьями. На окнах – занавески. На стенах фотографии – впечатляющие люди в усах и кепках. На столе ваза с букетом полевых цветов. В общем, честная, достойная бедность вполне древнегреческого покроя. И сидят там три дочери – девушки с классическими греческими профилями. Понятное дело, чистые Электра, Медея и Елена. И вышивают – болгарским, разумеется, крестом. А еще сидит там молодой человек. Здоровенный такой бугай. Ахилл, Аякс, а может, Менелай. Хотя скорее Парис. И смотрит он на Елену, которая, судя по словам нашего приятеля, ту древнегреческую за пояс заткнула бы, как два пальца... ох, нет, неудачное это сравнение, ну, в общем, красота ее такая была, что ни Гомер, ни Эсхил, ни даже Аристофан с Еврипидом вместе не нашли бы слов, чтобы хоть прибли-

зительно описать вам тень от тени ее красоты... Сидит она, опустив свой прекрасный профиль к пальцам, глаз не поднимает. Хозяйка поставила гостям на вышитую скатерть блюдца с орехами, сухофруктами и принесла две маленькие чашечки кофе, черного и густого. Вот сидят наши друзья и в этнографическом экстазе разглядывают фотографии, цветы, вышивки, наслаждаются горечью кофе, сладостью изюма и миндаля в меду, как вдруг... Медленно поднялась от вышивки голова Елены Прекрасной, и взгляд нашего друга утонул в черных, как тот кофе, бездонных глазах. Время, как уже кто-то издавна заметил, вещь относительная, так что мы совершенно не можем сказать, как долго заворуженно смотрели они друг на друга, – полагаем, считанные секунды. Но, по словам нашего приятеля, за эти мгновения оба они прожили целую жизнь, в которой было все: головокружительный вихрь объятий, обморочные судороги наслаждения, щемящая нежность касаний, доверчивая открытость распахнутых тел. Щедрой струей вливался в них хмелящий мед поцелуев, и – «...до сегодняшнего дня, – мечтательно улыбаясь, сказал он, – на моих губах живет вкус тех слез счастья, которые дрожали на ее длинных ресницах». Атмосфера в комнате накалилась так, что трудно было дышать. Парень в кепке с окаменевшим лицом встал и, громко хлопнув дверью, вышел из дома. Жена рассказчика внимательно разглядывала на дне чашечки кофейную гущу. А они смотрели друг на друга, и стучал за окном дождь, синело небо, лунный свет рисовал светлую дорожку на бесконечном полотне моря, а восход красил его серебристо-розовой краской. Зрели виноградные кисти, бурлило вино в чанах, и снова среди прихотливо вырезанных листьев лозы завязывались плоды...

– Вот так, – задумчиво сказал наш приятель, – в те несколько мгновений четверть века назад я прожил еще одну огромную, удивительную и прекрасную жизнь. И еще я точно знаю, что в глухой, Богом забытой деревушке живет женщина, которая, как и я, до самой смерти будет хранить в сердце радость этой долгой, счастливо прожитой жизни...

А когда мы осторожно выразили сомнение в ответных чувствах той греческой женщины, он с презрением посмотрел на нас и сказал: «Пошляк, что знаешь ты о любви...»

Вернемся, однако, к Академии изящных искусств. Понятное дело, возникла она не сама по себе. Ее учинил чернобородый крепыш, человек, которого звали Борис Шац. Он родился в Ковно в 1867 году во вполне патриархальной семье, учился в хедере. И казалось бы, сам Бог велел стать ему раввином. В крайнем случае – меламедом, учителем – уж больно смысленный был парнишка, но ветер эмансипации тогда уже всюду гулял по еврейским местечкам. Он выдул Шаца из его убогого городка, и приземлился наш герой в славном городе Париже, где отдался совершенно неподобающему для еврея занятию, а именно обучению скульптуре.

Надо сказать, что запрет на изображение в иудаизме («Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и на земле внизу, и в воде ниже земли») трактуется по-разному: от полного неприятия любого фигуративного изображения до вполне либерального отношения, возникшего из удивительной способности евреев обходить запреты и уложения собственного Бога.

«Отчего же нельзя изображать людей? – удивился один из весьма ученых и знаменитых раввинов, которому мы задали сей волнующий нас вопрос. – Рисуй, лепи на здоровье, а если уж ты хочешь быть святее папы римского (раввин, конечно, выразился по-иному, но смысл сводился именно к этому), то не дорисуй хотя бы ноготь на мизинце его левой ноги».

Такое отношение к изобразительному искусству представляется нам исключительно правильным. Господь создал человека свободной личностью, чьей задачей (и не только в искусстве) является познание и личная трактовка окружающего мира. Истинным богохульством является тупое копирование, которое многие принимают за реализм. Что же касается кумира, то запрет этот разумнее понимать философически: ни из чего не сотворять себе кумира, будь то бутылка или государство, желудок или идея. Судя по всему, это прекрасно понимали наши предки, ибо множество фигуративных, в том числе и человеческих, изобра-

жений мы находим даже в синагогах: взять, к примеру, мозаичный пол древней синагоги, находящейся в киббуце Бейт-Альфа, или фрески другой – в Дура-Европос. К сожалению, увидеть означенные фрески можно только в репродукциях или копиях в Музее диаспоры (в Тель-Авиве), ибо сама синагога находится на территории Сирии, куда нам хода нет.

Эти, а также многие другие примеры (керамика, ткани, мозаики) доказывают, что у евреев, живших в стране Израиля, было свое пластическое сознание, которое напрочь было утрачено в диаспоре. Да по-другому и быть не могло, ибо главнейшие черты пластического мышления создаются окружающей художника конкретной действительностью: климатом, характером пейзажа и тому подобными местными деталями.

Народ, который не сидит на своей земле, а мечется по миру с чемоданом, может в этом чемодане вырастить философию, литературу, музыку даже, но не пластику. Порой он может создавать шедевры пластического искусства (каковыми, например, являются надгробные плиты еврейских местечек Украины), но это не проявление национального духа в скульптуре, а лишь искусство евреев, живших веками на Украине, и не имеющее ничего общего с тем, что делали евреи Марокко, Франции, Англии.

Лучшим доказательством отсутствия у евреев единого пластического языка является экспозиция ханукальных подсвечников Музея Израиля в Иерусалиме. Каждый из них – замечательный образец французской готики, итальянского Ренессанса, немецкого классицизма, украинского или польского барокко, марокканского мавританского стиля. Еврейская в них только ритуальная функция – девять рожков, что, согласитесь, отношения к национальному искусству не имеет. Аналогичным образом сложилась ситуация в «высоком искусстве» в ту эпоху, когда евреи получили в него доступ. Писсаро – французский художник, Модильяни – итальянский, Левитан (нравится это кому-то или нет) – русский, и у каждого из них соответственно больше общего с Сислеем, Симоне Мартини и Саврасовым, чем друг с другом, а то, что все трое знали иврит и имели красивые грустные глаза, остается фактом их личной биографии, а не свидетельством общности их пластического сознания.

В диаспоре евреи ослепли – лучшим доказательством этому является безобразный, китчевый характер большинства израильских синагог, примером которого может служить гробница пророка Самуила. Состоит она из двух уровней: наверху молятся мусульмане. Там в центре – кенотаф, покрытый коврами, над ним натянута ткань; зрелище варварское и весьма впечатляющее. Внизу среди пластического хаоса и безобразия молятся евреи. Освещает их чудовищная люстра, на которой висит табличка, извещающая, что куплена она на деньги неких мистера и миссис то ли из Аризоны, то ли из Майами, не помним – настолько все это противно. Увы, евреи думают чем угодно: головой, ушами, часто ногами – только не глазами.

Так оно было и в 1889 году, когда Борис Шац приступил в Париже к занятиям скульптурой. Учителем его был сам Антокольский. Полной мерой хлебнул житейских трудностей этот крепко сбитый парень. На жизнь он зарабатывал на ринге и борцовском ковре: занятия скульптурой немало способствуют укреплению мышц, а темперамента, воли и упорства ему было не занимать. Слава пришла к нему быстро – и какая: золотая медаль Всемирной выставки в Париже! А вместе со славой и лестное предложение: в 1895 году он становится придворным скульптором болгарского царя Фердинанда.

Там – в крови Бориса Шаца общественный ген явно не дремал – он учреждает Академию искусств в Софии. Казалось бы, все замечательно, чего еще желать можно? Но только в сердце этого неумного человека жила мечта, страстная абсурдная мечта – о чем, как бы вы думали? О – прости, Господи, – еврейском искусстве. О том, чтоб у евреев тоже была скульптура, живопись, и не просто, а своя, на других не похожая.

И вот в 1906 году этот человек делает то, что до него никому не приходило в голову: учиняет в Эрец-Исраэль пластические искусства и место, откуда они будут произрастать, – академию «Бецалель».

Иерусалим тех лет был крохотным сонным городком на краю пустыни, где об искусстве слухом не слыхивали и слышать не желали. Но это Шац не только не смущало, а наоборот – раззадоривало. В Иерусалим он привез не только преподавателей, но и студентов – местная публика шарахалась от искусства, как черт от ладана. И вскоре началась в Иерусалиме новая жизнь. Поначалу для создания необходимой богемной атмосферы Шац выписал из Испании гитары, и вскоре студенты стали ночами шататься по иерусалимским улицам, оглашая их нестройными серенадами. Будучи сам незаурядным спортсменом и придавая большое значение физической красоте, Шац создал футбольную команду и исхитрился уговорить главного раввина Израиля рава Кука разрешить матчи по субботам. Но главное, Борис Шац женился. Почему «главное»? Потому что в результате брака у него родился сперва сын, названный, естественно, Бецалелем, а потом дочь, названная Зоарой (Сияющей), и здесь мы вернемся к тому, с чего начали эту главу: к любви, ее непостижимым путям, не признающим ни времени, ни пространства.

Я встретил эту женщину в Доме художника, который нынче занимает один из корпусов Академии, где она и родилась. Почти на сорок лет раньше, чем на свет появился я. Ее рукопожатие было сильным, мужским: от отца она унаследовала не только масть – иссиня-черную, – но и профессию. Она была чем-то похожа на индианку с крупными, четко вырубленными чертами лица, орлиным носом и крепким подбородком, и все в ней было ярко, значительно и удивительно непосредственно. «Зоара... – мечтательно протянул классик израильской живописи Мордехай Ардон, когда в Париже, бережно касаясь сухой лапки, которую пожимали Кандинский, Клее, Гроппиус, я передал ему привет. – Красивой никогда не была, неотразимой – всегда...»

Она жила во флигеле корпуса, где сейчас находится факультет архитектуры, и много часов провел я там, сидя у камина, слушая рассказы, в которых оживала эпоха, о которой мне приходилось только читать. Эпоха, которую хрипловатый голос Зоары делал осязаемой и зримой. Мы оба знали, что пусть не здесь и не сейчас, но по крайней мере в одной из тех параллельных вселенных, в существовании которых убеждены физики, у нас был бурный яркий роман, сполохи которого освещали нашу встречу в Иерусалиме восьмидесятых.

«А жалко, голубчик, – сказала она как-то, сверкнув своим черным вороньим глазом, – что не родился ты этак лет на сорок пораньше».

Их дом находился на самой окраине Иерусалима, и, когда Борис Шац выходил с ней вечерами на прогулку, она, сидя на отцовских руках, тянулась к луне, страстно желая схватить этот светящийся диск, а когда не получалось, в гнев колотила отца по широким плечам – характер проявлялся уже тогда. Их дом был местом, где встречались лучшие люди того времени, а еще там проводились музыкальные вечера – одно из двух фортепьяно, которые имелись в Иерусалиме, было у Шацев. Были у них (также редкость) граммофон и коллекция пластинок. Особой любовью детей пользовались записи Шаляпина, и они запихивали в граммофон хлебные крошки, чтобы подкормить неутомимого певца, и Шацу приходилось втихую от детей регулярно чистить волшебную машину.

Однажды Зоара позвала меня к себе: «По-русски не читаю и не хочу, чтобы после моей смерти эти книги выбросили на помойку». Я бережно перелистывал страницы книг, давно ставших библиографической редкостью: тома прекрасных изданий XIX века, перво-издания Толстого, Чехова...

«А это, извини, я тебе дать не могу. Это подарили моим родителям – видишь надписи? Пастернак, Жаботинский...»

Какое же искусство насаждал в этой дикой стране великий энтузиаст Борис Шац? Для начала стоит зайти в Дом художника на улице Шмуэль ха-Нагид, где в вестибюле, справа от входа, висит огромная фотография начала прошлого века, изображающая двух людей у входа в этот самый дом. Один из них одет в арабский бурнус, а другой – в европейскую тройку; он в шляпе и с тростью в руках. Пикантность ситуации заключается в том, что человек в шляпе – это Аль-Хуссейни, богатый араб, продавший Шацу землю, а личность, закутанная в ориентальную простыню, – сам прародитель израильского искусства. Увы, то, что делал Борис Шац со товарищи, отнюдь не было ни еврейским, ни израильским искусством. Это был старый (тогда новый) добрый европейский арт-нуво, где еврейского были разве что библейские сюжеты. Но сюжет не может стать основой национального искусства – иначе Рембрандт был бы признан величайшим еврейским художником всех времен. Национальное искусство – это в первую очередь особое отношение к фундаментальным основам пластики: цвету, ритму, фактуре. Кстати, замечательным примером в этом смысле является процесс, проходивший параллельно в Париже. Кого только не было там в эти годы! Японцы – Фуджита, итальянцы – Северини, испанцы – Пикассо, русские – Поляков, евреи – Сутин... Однако умные французы отнюдь не поторопились обозначить всю эту огромную компанию гениев неотъемлемой частью французского искусства. Парижская школа – вот как они определили творчество этих людей. А рядом параллельно расцвел фовизм – течение, в котором чужаков не было совсем – ну разве что два бельгийца – Вламинк и Ван Донген, однако каждому хорошо известно, что бельгийцы – это не что иное, как испорченные французы, не более того...

То, что именно фовисты были продолжателями великой французской традиции, наглядно можно увидеть, проделав недалекий путь от Музея Клюни, где висят великие шпалеры XVI века («Девушка с единорогом»), к Центру Помпиду, где висит работа Матисса «Девушка в румынской блузке». Сравнивая эти разделенные пятью веками шедевры, вы с очевидностью понимаете, что огромное дерево французской культуры по прошествии означенного срока произвело ветку, листья которой пусть и отличаются оттенком, но однако же есть плоть от плоти этого дерева, к которому ни Пикассо, ни Модильяни, ни Сутин не имеют равным счетом никакого отношения.

Сегодня, конечно, просто наводить критику на Бориса Шаца и его единомышленников, указывая им на очевидные промахи и недостатки. А можно с глубоким уважением и благодарностью снять шляпу и поклониться этим людям (в первую очередь – Шацу), совершившим, по сути, подвиг, человеческий и художественный, ибо именно они посадили в эту пустынную землю семя, из которого довольно быстро проклюнулось странное и забавное растение.

Уже следующее поколение начало обретать черты, которых были лишены отцы-основатели. Они были в курсе всех последних новостей, они побывали, и не раз, в Париже, и последние новейшие течения, будь они французского, русского или немецкого покроя, не были им чужды. И все же было в них нечто особое. Мы отдаем себе отчет, что собираемся произнести некий нонсенс, но мы ведь и не претендуем на искусствоведческий образ мышления. Так вот, это было счастливое искусство. Коктейль, замешанный на декоративности, примитивизме, но главное – на столь редко встречающихся в живописи радости, чувственности, непосредственности и веселье.

Впрочем, чему удивляться, такой и была эпоха двадцатых-сороковых годов – может быть, самая счастливая эпоха в истории этой страны...

Три художника того времени не только хорошо представлены в музеях, но и удостоились каждый своего собственного. Первой мы назовем Анну Тихо, жену доброго доктора-офтальмолога, о котором уже упоминалось. Музей находится в доме, где они прожили сорок лет. Анна училась искусству в Вене. Ландшафт Страны Израиля, куда она попала в 1912 году, столь отличный от пейзажей Центральной Европы, пробудил в ней сильного,

самостоятельного мастера, сумевшего освободиться от стиля и выучки венской школы. Место это – в центре Иерусалима, на улице рава Кука, жившего по соседству. (В его доме тоже музей.) Когда-то на первом этаже здесь была клиника и в саду толпились одетые в экзотические лохмотья страдальцы со всего Ближнего Востока – очень знаменит был доктор, – а теперь здесь недурной ресторан, и в тени деревьев за столиками блаженствует публика, одетая совсем в другие наряды.

Музей Реувена Рубина в Тель-Авиве находится в его доме, неподалеку от рынка Кармель. Выходец из Румынии, женатый на утонченной зеленоглазой красавице Эстер, он прожил элегантную счастливую жизнь. Стараниями жены его дом стал центром встреч знаменитостей не только местного – международного масштаба. Лучший Рубин – это ранний Рубин: к концу жизни он не то чтобы исхалтурился или закитчевался, скорее некий щенячий задор, способность удивляться, восторгаться как бы испарились, а быть может, возраст сыграл свою роль, а в то время как привычка и желание работать сохранились...

Музей Нахума Гутмана, привезенного в Палестину из Одессы в дошкольном возрасте, находится в чудном тель-авивском квартале Неве-Цедек. Был он типичным художественным работягой, и с возрастом его творчество, разумеется, менялось, но при этом диапазон его только расширялся, а не суживался. Живописец от Бога, был он виртуозным рисовальщиком, и не одно поколение израильских детей выросло на книжках с его иллюстрациями и на тех, которые писал он сам. А еще он делал мозаики, занимался керамикой, и его небольшие глиняные скульптурные сцены и фигуры – часто исходившие из формы старинного сосуда, горшка – не только пластически безупречны, но словно сами родились из плоти страны, которая сформировала его как художника и человека.

Его музей долгое время был нашим самым любимым музеем в Израиле, и мы частенько бывали там то на вернисажах, то приводя туда заграничных гостей, то заглядывали просто так, чтобы поболтать с нашим приятелем Йоавом Дагоном, основателем музея.

Вообще-то опыт общения с кураторами привел нас к заключению, что идеальный куратор должен обладать тремя фундаментальными качествами. Он должен быть широко образован и очень много знать об искусстве, ничего в нем не понимать и ненавидеть художников. Йоав, похожий на вьетнамца высокий, худой человек с длинной редкой бородой, отвечал только первому условию. С двумя остальными было у него плохо: искусство любил, а художников уважал. Матушка его была из России, отец – из Франции, а сам он, выпускник Академии изящных искусств в Париже, был не только чудным, тонким собеседником, но еще и прекрасно готовил – его косуле навсегда останется в нашей памяти. Да только приключилось с ним то, что часто приключается с мужчинами в так называемом кризисе среднего возраста, и однажды сотрудники музея, придя утром на работу, обнаружили своего директора качающимся под потолком в петле. Вот такая, можно сказать, трагическая история.

После этого в музей мы больше не ходили. Но вам (поскольку с Йоавом вы вряд ли были знакомы) – настоятельно рекомендуем.

А все, к слову сказать, из-за любви. И это возвращает нас к Зоаре. В 1932 году Борис Шац поехал собирать деньги для «Бецалеля» в Америку и там помер. Академия закрылась. Зоара, жаждавшая учиться, была вынуждена искать другую alma mater. Она поступила в Национальную школу декоративных искусств в Париже, и завертелась, закружилась новая, совсем не похожая на предыдущую жизнь.

Героический период, невероятный взрыв, сделавший Париж столицей мирового искусства, остался уже позади, но сам город был великим учителем, и Зоара – сухая палестинская губка – жадно втягивала в себя все, что он мог ей дать.

Сегодня я ругаю себя, не могу себе простить, что не записывал ее рассказы. Часть из них испарилась из моей памяти, стерлись имена, и очень жаль, ибо рассказы Зоары были

не только захватывающе интересны, но порой бросали совсем иной свет на события и персонажи той великой эпохи.

Вот, к примеру, совершенно не известная и нигде не опубликованная версия о происхождении кубизма.

Итак, выходит Соня Делоне (видная фигура парижской школы, сама русско-еврейского происхождения) купить свежий круассан к утреннему кофе и видит, как по пустынному бульвару Монпарнас бежит Пикассо. Она ему:

– Пабло, Пабло, постой, давай кофею попьем!

– Нет, – мотает головой испанский гений, нетерпеливо приплясывая на месте, – никак не могу, надо работать.

– Что такое случилось, Пабло?

– Понимаешь, – выпаливает Пикассо, – вчера я был на лекции, и эта лекция прямо-таки перевернула мое сознание. Срочно, срочно надо работать!

– Но отчего такая спешка? – удивляется еще толком не проснувшаяся Делоне. – Попьем кофе и...

– Спешка? – Пикассо срывается с места и уже на бегу через плечо кидает: – Спешка... Брак тоже был на лекции!

(Я про себя прикинул, что всего два человека могли так подействовать на Пикассо – Пуанкаре и Бергсон. Оказалось – Бергсон.)

И много еще странных и трогательных историй я слышал от Зоары. Вот, к примеру, когда затеялась в России перестройка, Зоара пришла в необычайное возбуждение, принеслась ко мне в мастерскую и с места в карьер выпалила:

– Ты только смотри, что там происходит, какие перемены! Знаешь, когда я жила в Париже, у меня мастерская была на одной площадке с русским. Чудный был человек и мужчина, Саша, каких поискать, и художник отличный. Только вот не везло ему в Париже, и он в Россию вернулся. Так я думаю, может, он жив...

– Зоара, – прервал я ее, – а звать-то его как?

– Рафаил, – ответила Зоара с недоумением, будто я обязан был знать всех ее мужиков. – Фальк.

Но, конечно, не только анекдоты про великих людей звучали около камина.

– ...Понимаешь, я явилась в Париж, напрочь не зная французского. Денег на учителя у меня не было. Что делать? «Возьми, Зоара, любовника-француза, – сказали мне девочки на Монпарнасе, – язык лучше всего учиться в постели». Ну, девочки сказали, я и послушалась. Чему я там, голубчик, только не научилась, ну всему, кроме французского!

Вообще знание языков довольно часто вмешивалось в интимную жизнь Зоары.

– Как-то приключился у меня роман с одним итальянским виолончелистом. Все было замечательно, только вот он не знал английского, а я не знала итальянского. Правда, в последнюю ночь мы выяснили, что оба знаем французский, но наутро приезжала его жена...

С наслаждением глядя в ее смеющиеся черные глаза, я покатывался со смеху, но даже мельчайшая тень ревности не омрачала мое сердце, ибо никто и никогда не смог бы помешать нашему такому необычному роману.

Годы жизни в Париже были трудными и счастливыми (по молодости лет могут ли они быть другими?), но с присущей Зоаре чуткостью она ощущала наступающую беду. И вот в 1934 году она, еврейка с палестинским паспортом, едет в Германию, чтобы самой – безрассудство и смелость всегда были присущи этой необычной женщине – убедиться в том, что происходит в этой стране. Побывав на митинге, где выступал Гитлер («Он был гениальным, великим оратором, делавшим с толпой все, что захочет», – говорила она), Зоара принялась уговаривать своих дядю и тетю немедленно покинуть Германию. В ответ она услышала тот самый знаменитый набор слов о германской культуре и о том, что они по сути не евреи, а

немцы, и глубокую уверенность (высказанную тетей, бывшей в свое время депутатом германского парламента) в том, что это временное помешательство, которое, несомненно, пройдет. Тетя оказалась права. Помешательство (с помощью СССР, США и Англии) прошло, но ни тетя, ни дядя этого уже не увидели. Единственный, кто услышал Зоару, – их сын: собрал манатки и рванул в Англию, где, став знаменитым искусствоведом, среди прочего написал книгу (переведенную, кстати, и на русский) под названием «Об английском в английском искусстве» – действительно, кто лучше немецкого еврея об этом напишет?

За эту книгу и другие заслуги королева произвела его в рыцари, и с тех пор он зовется сэром Николас Певзнер.

Приход нацистов к власти сильно повлиял на состояние искусств в далекой Палестине. Вместе с бежавшими сюда художниками ее накрыла волна экспрессионизма (достаточно назвать такого мастера, как Штайнхардт) и мистицизма (Мордехай Ардон, в будущем ректор возрожденного «Бецалея»). Но главное произошло в архитектуре.

Как справедливо заметила когда-то эссеистка М. Каганская: «Единицей архитектурного израильского мышления является барак». И впрямь, первопоселенцы совершенно не обращали внимания на архитектурные красоты и необходимые, на наш взгляд, излишества, довольствуясь четырьмя примитивными стенами с дырами для света и входа. Поэтому эстетические воззрения Баухауза (знаменитой школы в Германии), привнесенные сюда изгнанными с родины архитекторами, пришлись как нельзя лучше, ибо в основе этих воззрений лежал все тот же барак, только утонченного типа. Нацисты Баухауз закрыли, утверждая, что это еврейская архитектура. Надо признать, что определенный резон в их словах был: взять хотя бы плоскую крышу, которая отродясь в Германии не водилась по понятным соображениям: по весне ее бы мокрый снег продавил. А на Востоке плоская крыша – обыденное и желаемое явление, дающее возможность летней ночью спать не в душной комнате, а на свежем воздухе. Вот тогда-то, в тридцатые, и стал Баухауз генеральной линией израильской архитектуры: просто, скромно, функционально, без излишеств.

С тех пор прошло много времени, и в израильских городах можно увидеть самые разнообразные постройки, привлекающие глаз и радующие душу. Это и здание-парус (архитекторы Д. Амар и К. Авраам) в Хайфе, и университет там же, выстроенный знаменитым бразильцем Оскаром Нимейером, и насквозь засимволиченное здание Верховного суда справедливости в Иерусалиме (архитекторы Р. и А. Карми). Много работал в Иерусалиме знаменитый Эрих Мендельсон. И, наконец, последняя новость – струнный мост испанского архитектора Калатравы на въезде в Иерусалим, уместный там так же, как манекенщица-красотка в платье от Версаче среди нищих обитательниц запущенного дома престарелых.

Однако самое любимое нами здание находится в Рамат-Гане рядом с театральной школой Бен-Цви и Музеем русского искусства (есть в Израиле и такой), коллекция которого несколько лет назад выставлялась в Третьяковской галерее. Когда-то давным-давно, читая книгу «Мастера современной архитектуры об архитектуре», мы были поражены словами «когда я проектирую здание, меня больше всего волнует, получится ли из него хорошая развалина». С тех пор Альцгеймер изрядно обглодал клетки нашего мозга, и мы, увы, не помним, кому именно принадлежит эта великая мысль. Мы также не знаем, был ли о ней осведомлен Цви Хеккер, но выстроил он именно что развалину, и, как нам кажется, изумительную израильскую развалину. Рекомендуем.

В те же годы Хаим Атар, влюбленный в Сутина киббуцник, создает первый в истории Израиля музей в киббуце Эйн-Харод. На сегодня это лучшее и самое широкое собрание израильского искусства. В коллекции музея есть небольшой, но милый отдел иудаики и крайне интересное собрание художников-евреев из разных стран, начиная от парижской школы и кончая немецкой. Есть там и русские – Левитан, к примеру, и, что уж совсем нас озадачило, – среднего размера Мефистофель работы Антокольского и его же – огромный

терракотовый бюст Тургенева. Как этот бюст попал в Израиль, нам, к сожалению, выяснить не удалось, но нет сомнений, что у этой скульптуры есть своя невероятная история.

В конце тридцатых добрался до Израиля и Марсель Янко, один из главных дадаистов. Музей его имени находится в деревне художников Эй-Ход, неподалеку от Хайфы. Кстати, отличным собранием дадаизма (подарок коллекционера Артуро Шварца) обладает Музей Израиля в Иерусалиме. И раз уж мы заговорили о музеях и коллекционерах, то заметим, что многим музейным работам и собраниям сопутствуют истории немислимые, их не сочинить. Вот, например, история коллекции исламского искусства в главном музее страны – Музее Израиля.

Итак: «...надрывный вой сирены вспорол ватный туман, по обыкновению окутывающий улицы британской столицы. Тяжелые створы ворот израильского посольства медленно ползли в стороны. Звук сирены становился все громче и громче. «Черт побери, – в отчаянии пробормотал водитель стоявшего перед воротами грузовика, – неужели не успеем?»»

Текст подобного рода скорее уместен в дешевом триллере, нежели в рассказе об академическом искусстве, тем более в такой серьезной книге, как наша. Однако история, которую мы вознамерились поведать, могла бы послужить недурной основой захватывающего авантюрного романа. Началась она в Тегеране, где в 1885 году родился мальчик, которого назвали Юхана Мирза Бен-Давид Дауд. После учебы на родине он закончил Кембридж (по истории исламского искусства) и в начале тридцатых годов уже пользуется известностью в качестве эксперта в области исламских манускриптов. К его услугам прибегают именитые коллекционеры, достаточно назвать Ротшильда. Время от времени он навещает родину и возвращается не с пустыми руками. Приходит время, и Дауд женится. Один за другим рождаются пятеро детей, а затем разверзается прямо-таки черная дыра, в которой исчезает не только семейство, но и все следы существования Дауда: так на три десятка лет, а сам он всплывает на поверхность в начале шестидесятых годов прошлого века, когда в израильском посольстве в Лондоне раздастся звонок. Человек, назвавшийся Даудом, предлагает пожертвовать миллионную коллекцию Музею Израиля в Иерусалиме. Нет нужды сообщать, что подобное заявление было воспринято с подобающим энтузиазмом. Однако дальнейшее развитие событий было достаточно обескураживающим: Дауд под разными предлогами уклоняется от встречи. Такая игра в кошки-мышки длится несколько лет, пока новому консулу по культуре не удастся уболтать подозрительного коллекционера, и тот приглашает консула к себе домой. Явившись в назначенный час, консул обнаруживает себя в чудовищно запущенной, нищей, зловонной квартире, где в одной из комнат на застеленной старыми газетами кровати, закутанный в драный плед, лежит полубезумный старик. Он отвергает любые предложения о помощи, утверждая, что ни в чем не нуждается, совершенно очевидно не желая пускать в дом незнакомых людей. Тем не менее его подозрительность не распространяется на консула, и встречи их продолжаются. Время от времени Дауд заводит разговор о коллекции (которую, заметим, никто еще не видел, и вообще неясно, существует ли она), он требует, чтобы для нее был выстроен специальный павильон, чтобы ему предоставили квартиру, секретаршу, бюджет для научной работы... В одну из встреч консул замечает, что старику худо. Он уговаривает его поехать в больницу, и там, перед тем, как испустить дух, Дауд вручает консулу написанное на клочке бумаги завещание: коллекция принадлежит Музею Израиля. Вытащив из брюк усопшего ключи, консул отправляется в дом Дауда и там, после долгих блужданий по квартире, обнаруживает потайную дверь и за ней анфиладу комнат, битком набитых бесценными персидскими коврами, мебелью и манускриптами. Недолго думая, он вызывает грузовик и начинает грузить коллекцию. Меж тем обеспокоенные соседи, заподозрив недоброе, вызывают полицию. О дальнейшем развитии сюжета смотрите выше. Финал был счастливым: консулу удалось проскользнуть в ворота и оказаться вместе с коллекцией на территории Израиля. Следует отметить, что поскольку завещание официально оформ-

лено не было, то по английским законам юридической силы оно не имело, и за отсутствием наследников имущество Дауда являлось собственностью английской короны. С другой стороны, оно находилось на территории Израиля. После долгих юридических процедур разрешение на вывоз коллекции было получено.

Пятнадцать лет разбирали находившуюся в чудовищном состоянии коллекцию. Пятнадцать лет разбирались и пытались понять, как и почему Дауд уничтожал, кроил и перекраивал, тасовал и заново собирал украшенные изумительными миниатюрами бесценные манускрипты. Сегодня они восстановлены, отреставрированы и представляют собой основу собрания исламского искусства Музея Израиля в Иерусалиме.

В начале этой главы мы признались, что собираемся говорить не столько об искусстве, сколько о любви. Но можно ли рассуждать о любви, не упомянув о страсти?

Страсть – всеядная бестия. Ей все годится в пищу: деньги, власть, слава, любые объекты – от гвоздей, подвязок и ключей (зайдите в музей Федерико Мареса в Барселоне) до женщин, мужчин и автомобилей. Но на что бы она ни обращалась, в ней неизбежно присутствуют черты, свойственные одной из самых универсальных страстей человеческих – коллекционированию. Плюшкин, Гобсек, Скупой рыцарь, Дон Жуан – все они коллекционеры.

Любовь и страсть – не близнецы, они даже не сестры, в крайнем случае – дальние родственницы. Любовь требует самоотдачи, страсть – обладания. Влюбленный в женщину забывает предыдущее увлечение, коллекционер – никогда. Охваченный страстью человек постоянно пересчитывает свои сокровища. Так, аккуратно подсчитывал свои любовные трофеи Сименон. Так, вставив в классер новую марку, коллекционер не преминет с удовольствием перелистать весь альбом.

Однако страсть невозможно насытить. Что из того, что Сименон обладал (по его словам) тремя тысячами женщин, ведь нетронутыми остались и три тысячи первая, и три тысячи вторая... Пусть в моем погребе есть лафит 1927 года, но нету лафита 1917-го... На определенном этапе происходит подмена: не коллекционер владеет коллекцией, а коллекция – коллекционером, и он, послушная тень своей хозяйки, выполняет любые ее желания. В тридцатых годах в США судили человека за убийство коллеги – коллекционера марок. На вопрос судьи о мотивах преступления обвиняемый недоуменно ответил: «Но, ваша честь, он отказывался продать марку, которой не хватало в моей коллекции...»

Там, где любовь в своем максимальном выражении становится самопожертвованием (и животное вступит в безнадежную схватку, чтобы спасти своего детеныша), распаленная страсть с неизбежностью ведет сперва к уничтожению объекта страсти, а затем к гибели самого человека. Уничтожение – вернейший способ, наилучшая гарантия того, что предмет страсти не изменит, не станет достоянием другого. Более того – полное обладание и возможно только при уничтожении этого самого предмета. И тогда русский купец убивает куртизанку, испанский солдат – цыганку, французский художник уничтожает свой шедевр, и аккуратно разрезает на куски (так и просится на язык – расчленяет) драгоценные рукописи старый персидский еврей в своей лондонской квартире.

Коллекционирование – штука обоюдоострая. В той же степени, в какой люди коллекционируют предметы, предметы коллекционируют людей. Газеты – ежедневно пополняющаяся коллекция людского мельтешения. Шкаф коллекционирует привычки и вкусы. Кровать – коллекция криков роженицы и хрипов умирающего, стонов сплетенных тел и плача младенца. Она бережно хранит сны и бессонные мысли, она – обитель отчаяния, надежд...

Впрочем, похоже, нас куда-то не туда занесло, а потому вернемся к музеям и в первую очередь – к Музею Израиля с его блестящими отделами археологии, иудаики, преколумбийской и африканской скульптуры, неплохими импрессионистами и XX веком, где особенно выделяется собрание работ Липшица и Эпштейна. Замечателен и сад скульптур, спроекти-

рованный Исамо Негучи. Среди выставок нам особенно запомнилась одна, которая могла быть устроена только евреями: она называлась «Выставка обещанных подарков».

На вернисаже один из коллекционеров, выставивший роскошную бронзовую голову Будды XI века, не выдержал и сказал: «Забирайте сейчас – я просто не могу видеть, как все ждут моей смерти». С тех пор, похоже, кое-кто из коллекционеров все-таки помер, потому что в экспозиции появились и Энгр, и Модильяни – работы, которые мы видели на той выставке.

Тель-Авивский музей обладает очень хорошей коллекцией искусства конца XIX и XX века и отличным собранием Архипенко. Классическое искусство и в том, и в другом музее представлено, понятное дело, не как в Лувре или Прадо, но взглянуть не помешает.

Всех музеев нам не перечислить, назовем поэтому лишь несколько наиболее интересных: Музей японского искусства в Хайфе, музей Иланы Гур в Яффо, витражи Шагала в синагоге госпиталя «Хадасса» в Иерусалиме и его же мозаики со шпалерами в кнессете, музей «Тефен», созданный миллионером Стефом Вертхаймером в Галилее, неподалеку от Кармиэля. Собственно, это целых четыре музея – музей немецкого еврейства, сад скульптур, музей изящных искусств и (по-видимому, нежнейшая привязанность) музей автомобилей. Там очень красиво, а неподалеку – Кфар-Врадим, деревня с замечательным рестораном.

Надо сказать, что развитие искусств в Палестине происходило какими-то спазматическими толчками. Только было стал посаженный Борисом Шацем росток принимать какую-то форму, только начали его окучивать Рубин и Гутман с компанией, как тут их оттеснили выходцы из Германии и давай ухаживать за растением на свой лад. Но недолго они праздновали победу.

Для начала на свет проклюнулись ханаанцы во главе с Данцигером, создавшим культовую израильскую скульптуру «Нимрод». Нам крайне по душе эти реакционные романтики, заявившие: «Двух тысяч лет галута как бы не было, и вообще этих лет не было. Мы продолжим с того места, где нас прервали». Что и сделали. Один из примеров – ревущий лев Мельникова на могиле Трумпельдора (о котором позже).

Затем появилась группа «Новые горизонты», декларирующая современные ценности так называемого лирического абстракционизма.

А что же было в это время с Зоарой? Перед началом Второй мировой войны Зоара уезжает в США. Именно там начинается ее творческая карьера. Первая выставка – в Музее Сан-Франциско (параллельно с выставкой Пикассо). Она первая начинает работать с пластиком. Выставляется в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке.

И снова не перестаю ругать себя, что не записывал ее истории сразу, как только услышал. Я забыл, как звали баронессу – любовницу Гуггенхайма, заправлявшую музеем по своему усмотрению, и как звали куратора-грека, который все работы, даже маленькие, вешал на высоте тридцати сантиметров от пола...

Дома у Зоары висели две работы Родко – она и Марк были очень дружны. «Как-то я прихожу к нему, – вспоминала Зоара, – а он сидит потухший, несчастный.

– Что с тобой, Марк?

– Мне предложили выставку в МОМА. (Это знаменитый нью-йоркский музей современного искусства, мечта любого художника.)

– Потрясающе! – завопила я.

– Что ты понимаешь, – уныло сказал Родко, – я теперь потеряю всех друзей...

«Так оно и было», – грустно улыбнулась Зоара.

Надо сказать, что ревность у художников, даже больших, – не новость для мало-мальски осведомленного человека. Вот в качестве примера история, которая до сего дня также никогда не публиковалась.

Наш добрый знакомый Эфраим Ильин (о нем речь впереди) был дружен с известным художником Манэ Кацем (его музей в Хайфе заслуживает вашего внимания) и мэром Хайфы Абой Хуши. Большую часть времени проводивший во Франции, Кац имел обыкновение прибывать в Хайфу пароходом из Марселя, а Аба Хуши с Ильиным поутру выходили на катере в море, поднимались на пароход и проводили пару часов до входа корабля в порт за завтраком.

Вот сидят они за столом, пьют шампанское, втягивают ноздрями свежий морской воздух, и тут сопровождавший их журналист обращается к Манэ Кацу:

– Скажите, мэтр, что вы думаете о Марке Шагале?

– Шагала, – отвечает Кац, – большой художник, замечательный колорист, огромный мастер.

– Интересно, – говорит журналист, поглядывая на Каца, – тут пару недель назад я спросил Шагала, что он думает о Манэ Каце, и представьте себе, он сказал, что Манэ Кац – полное дерьмо, ноль без палочки, бездарь и шарлатан.

– Это нормально, – улыбнулся Кац. – Видите ли, мы, художники, никогда не говорим правду друг о друге...

Вот такая история. А Зоара рассказала нам еще одну, не менее интересную.

В конце сороковых годов у Бецалеля, ее брата, была выставка в Париже. И пришел на эту выставку критик (имени его мы, естественно, не помним), и не простой, а самый главный, определяющий судьбы. Результатом его благосклонной рецензии были договоры с лучшими галереями, выставки в лучших музеях. И вот, представьте, подходит этот критик к Бецалелю и просто рассыпается в комплиментах. Каждый нормальный человек на месте Бецалеля Шаца с достоинством сказал бы лаконичное «мерси», но это нормальный, воспитанный человек. Увы, воспитанность и хорошие манеры никогда (да и сегодня тоже) не были свойственны уроженцам Израиля. Поэтому вместо благодарственных слов критик услышал неожиданное:

– Ну, раз вам так это нравится, напишите.

От растерянности критик признался:

– Не могу.

И думал, что на этом все кончится, но ошибся.

– И почему это вы не можете? – последовал немедленный вопрос.

Потерявший всякую ориентацию, шокированный таким варварским напором критик пролепетал:

– Видите ли, Пикассо заплатил мне за то, чтобы я в этом году ни о ком ничего не писал...

Вот так.

Вернемся, однако, в Израиль. После провозглашения независимости Зоара прибывает в страну. Не одна – с мужем. Его звали Пако, и он тоже был скульптором большого класса. А еще он отлично играл на гитаре, а также имел склонность к крепким напиткам и вольному образу жизни. Он был крутой мужик – Пако, муж моей Зоары... Роман с черноволосой красоткой монашенкой, которая из-за него бросила монастырь, переполнил чашу терпения Зоары, и она (дело было в Калифорнии) уехала в Нью-Йорк, где через два месяца получила телеграмму за подписью монашенки: «Срочно приезжай».

– Забери его, – заявила при встрече разгневанная красотка.

– В чем дело? – осведомилась Зоара. – Что-нибудь не так?

– Все так. Все хорошо, – сжала губы брюнетка. – Вот только каждый раз, напиваясь, он говорит о тебе.

«И я вернулась», – сказала Зоара, глядя мне в глаза затуманенным поволокой памяти взглядом, и улыбнулась только ей присущей улыбкой, в которой было все самое главное на свете: легкость, мудрость, печаль.

В 1952 году Зоара получила Государственную премию Израиля. А потом Пако заболел – как водится, рак, – и она преданно за ним ухаживала до самой его безвременной смерти. За эти годы возник цикл полных мрачной красоты и силы графических работ, странная переключка с вещами Филонова, которые Зоаре не были известны. Как тут не вспомнить притчу рабби Нахмана из Брацлава! В одном месте в одно время человек задает вопрос. В другом месте в другое время другой человек задает вопрос. И ни первый, ни второй не знают, что вопрос второго – это ответ на вопрос первого.

Тем временем на смену «Новым горизонтам» явилось «бедное искусство» – минималисты, такие как Гросс, Арох, а потом концептуалисты и так далее. Надо сказать, что кризис шестидесятых-семидесятых годов, породивший отказ от традиционных материалов и ходов, пришелся как нельзя более на руку израильским художникам, не отягощенным традициями и как бы висевшим в воздухе. Именно тогда их имена стали пользоваться широким международным признанием. Здесь в первую очередь следует упомянуть Дани Каравана, большого мастера того, что можно назвать ландшафтной скульптурой. Его работы – чистая, безупречная, благородная, умная пластика – находятся в Японии и Италии, Франции и Испании, Голландии и Германии. Он – лауреат Императорской премии Японии. ЮНЕСКО наградило его медалями Миро и Пикассо, и много разных других премий и наград имеет этот невысокий симпатичный человек.

В Израиле его наиболее замечательными работами являются «Памятник Негевской бригаде» около Беэр-Шевы, «Белый город» в Тель-Авиве и стена в зале заседаний кнессета.

Из молодого поколения, использующего новые технологии, следует в первую очередь назвать Михаль Ровнер. В ее послужном списке и участие в Венецианской биеннале, и персональные выставки в таких музеях, как Уитни в Нью-Йорке и Тейт в Лондоне. Как написала Ольга Свиблова, куратор выставки Михаль Ровнер в Архитектурном музее Щусева в Москве в 2005 году: «работы Ровнер, обладая феноменальным эмоциональным воздействием, практически не поддаются вербализации». Ну раз не поддаются, то мы и не будем.

А что происходит в «Бецалеле», Академии изящных искусств, которую основал отец Зоары чуть более ста лет назад? Ее факультеты дизайна, визуальной связи считаются одними из лучших в мире. Хороша керамика. На конкурсе анимационных школ в Оттаве в 2007 году кафедра анимации сорвала Большой приз, обойдя в финале такое заведение, как Королевский колледж искусств в Лондоне. Есть факультеты живописи и скульптуры, ювелирного искусства и моды, видео, архитектуры, фотографии, но о них мы говорить не беремся из-за совершенно полной некомпетентии.

Интересно, что наиболее успешными являются факультеты, чья продукция напрямую связана с самой сутью потребительского общества, с его истинными ценностями.

Что же касается идеи национального, локального, особого искусства, столь милой сердцу Бориса Шаца, то совсем не ясно, есть ли ей вообще место в условиях глобализации и торжества гамбургера с кока-колой. Так что, как водится, начиналось все хорошо, а кончилось, вообще-то пока еще не кончилось. Пока мы не знаем, выживет ли растение, посаженное Борисом Шацем, а если да, то каким будет. Очевидно только одно: если оно выживет, то всем художникам, которые предпочли далекую скудную почву без традиций, меценатов и денег блеску роскоши и богатству столичных городов, уготована уникальная в истории XX и XXI веков участь отцов-основателей.

А что, спросите вы, Зоара? Померла Зоара. Когда врач сообщил ей диагноз: лейкемия, – она, ухватив его крепкой рукой за горло, втиснула в угол палаты и грозно сказала: «Ты меня лечи! Я тебе не какая-то там старуха! Ты знаешь, сколько мне еще необходимо сделать?»

Она протянула два года. В тот день утром у меня было интервью в одной из популярных программ телевидения, и там я говорил о Зоаре. Пришедшая днем навестить ее наша общая подруга Хедва Шемеш сказала ей: «Ты знаешь, что сегодня Саша рассказывал о тебе по

телевидению?» И Зоара, обрадовавшись, стала расспрашивать о передаче, а потом сказала: «Я очень рада, но что-то я устала, я немножко посплю». Она легла на постель и заснула. Навсегда. Глупо, наверное, но почему-то мне греет сердце, что я смог доставить ей чуть-чуть радости в тот последний ее день.

У меня дома на стене висят две работы Зоары Шац. Монохромные, изысканные, это не только работы большого художника, это материальные свидетельства моей причастности к тому, что происходило в этой стране за немногие годы ее существования, это ниточка, которая связывает меня с человеком великого благородства и великой души Борисом Шацем и дальше, с его учителем Марком Антокольским и другими известными и малоизвестными людьми, для которых в жизни существовали ценности помимо славы и денег.

А еще я бережно храню небольшой кусочек белого картона, который был пришпилен к букету цветов, врученному мне Зоарой на открытии одной моей выставки. Угловатым летящим почерком на языке, который испокон веку был языком любви, на нем написано: «A Sacha. Beaucoup de chance – avec tout mon amour. Zohara»¹.

В заключение добавим небольшую и вполне житейскую историю к этой главе об израильском искусстве. Услышанный нашим приятелем разговор двух женщин имел место в пригороде Иерусалима, где селилось (низкая квартплата) много художников. И, обсуждая этих новых соседей, одна из собеседниц сказала:

– Все они художники, а я вот слышала, что среди них есть профессионалы и любители. А как их друг от друга отличить?

– О, это очень просто, – снисходительно ответила вторая. – Если утром на автобусной остановке, чтобы ехать на работу, стоит муж, то он – любитель. А если жена, значит – профессионал.

Комментарий

Бог шел путем простых решений,
и как мы что ни назови,
все виды наших отношений —
лишь разновидности любви.

Для игры во все художества
мой народ на свет родил
много гениев и множество
несусветных талмудил.

С разным повстречался я искусством
в годы любованья мирозданием,
лучшее на свете этом грустном
создано тоской и состраданием.

¹ Саше. Большой удачи – со всей моей любовью. Зоара (*франц.*).

Глава 6

Походив по пустыне сорок лет и убедившись, что народ как следует вымер (в смысле не весь народ, а только те, кто надо), Моисей повел евреев назад к Земле обетованной. Кстати, все это хождение надо рассматривать как первую в истории попытку создать нового человека вообще и еврея в частности.

Господь, однако же, не дал руководителю Исхода возможность самому войти в Эрец-Исраэль. Почему? А потому, видите ли, что сыны Израилевы грешили и вели себя не так, как ожидалось.

Где, спросите вы, логика, ведь Моисей-то не грешил, а совсем даже наоборот, и вообще – доверенный Божий собеседник? У нас нет ответа на этот вопрос. Зато на вопрос, где он похоронен, мы с радостью ответим: он похоронен на горе Нево. Это в Иордании. Если стоять лицом к Мертвому морю, то на той стороне видна такая пупочка. Как раз напротив Иерихона. Но где именно на горе – никто не знает. Даже мы. А теперь еще и вы. Короче, это там.

Но вообще-то существует мнение (помните, была такая формулировка в советскую эпоху?), что на самом деле Господь прихлопнул Моисея из милости. Ведь ничего нет страшнее сбывшейся мечты и достигнутой цели, ибо мечты, конечно же, сбываются, но только сбывшаяся мечта сильно отличается от той, которую мечтали (мы надеемся, что эта корявая фраза все же понятна). А про цель и говорить ничего. Подчас поглядишь, чем обернулась твоя мечта и чем оказалась твоя цель, и взмолишься: о, Господи! Все что угодно, только не это!

Господь любил Моисея и уберег его от этого несчастья. А чтобы Моисею не обидно было, нашел повод в виде непотребного поведения народа, за что Моисей как вождь-руководитель должен был понести наказание. Такой ход мыслей был понятен Моисею и приемлем для него. Жаль хорошего человека, но Богу виднее.

Надо сказать, что мы описываем далеко не все приключения евреев на пути к Земле обетованной, ибо не про всякое событие можем воскликнуть «Это было здесь!», не погрешив против истины. Так, например, нам не известно, где именно, огибая Мертвое море, подошли евреи к царству моавитян, а тут история случилась небанальная. Царь моавитян Балак, испугавшись предстоящего нашествия, срочно послал гонцов за знаменитым в те времена магом и прорицателем Валаамом. Балак послал ему богатые дары, а после обязался вообще озолотить, если Валаам подъедет срочно в его царство и со священной горы проклянет воинственных евреев, чтоб те сгинули. Валаам сперва покобенился (ему в ночи Господь явился и велел не делать глупостей), но алчность и самоуверенность в нем взяли верх, и он поехал на своей испытанной и преданной ослице. В пути ослица первая увидела ангела с мечом, который трижды преграждал ей дорогу, но Валаам трижды бил ее плетью, и она повиновалась. Но от боли, страха и обиды заговорила человеческим голосом. Улегшись на дорогу, она сказала: «Зря ты бьешь меня, Валаам, ты жадный дурак, неужели ты не видишь ангела с мечом?» Ну что-то в этом роде она ему сказала, но Валаам велел плестись ей дальше, и они приехали к Балаку. Тут и вовсе диво дивное случилось: трижды поднимался Валаам на гору, но вместо проклятия – трижды благословлял евреев, предрекая им великое будущее. Тут он жутко от такого чуда разозлился и Балаку, чтобы полного позора избежать, коварную идею посоветовал: наслать на евреев (уже известных, очевидно, своим сладострастием) огромную толпу пленительных моавитянок. И те нагрянули к шатрам пришельцев в чем мать родила. И тут такое началось! А весь расчет Балака был как раз на то, что изнуренные в любовных битвах мужики ослабнут и не смогут воевать. И так бы оно, может, и случилось, но суровый предводитель воинства еврейского велел всех сладострастников безжалостно убить (а заодно карающим мечом, естественно, протыкалась и моавитянка). И всего убито было –

сообщает Библия со свойственной этому документу щедростью в числах – двадцать четыре тысячи человек. Если включены сюда моавитянки (что вряд ли), то по меньшей мере на двенадцать тысяч воинов уменьшилась еврейская армия во имя чистоты ее рядов. И дело кончилось победой. А корыстный Валаам стал хром на одну ногу, крив на один глаз и лишился своего магического дара, промышляя мелким волшебством. Судьба ослицы неизвестна. Очень кратко и обрывочно мы изложили эту занимательную историю, поскольку места точного не знаем, а врать принципиально не хотим.

Далее под предводительством Иисуса Навина евреи перешли Иордан. Дело это было обставлено с большой помпой, но если вы сами поглядите на Иордан, то поймете, что никаких оснований для этого не было. Иисус Навин, кстати, был одним из двух разведчиков, которые изображены на эмблеме Министерства туризма. Тот, который слева.

Перейдя реку Иордан, евреи подошли к самому древнему в мире городу, известному своими финиками и стенами, – Иерихону. Подойдя, они решили отметить торжественное событие праздничным концертом. В этом нет ничего удивительного, евреи известны как народ исключительно музыкальный. В Израиле даже существует анекдот, который гласит, что иммигрант, спускающийся по трапу самолета без скрипки, – скорее всего, пианист. Другой, не менее известный, анекдот объясняет факт, что среди евреев скрипачей больше, чем пианистов, тем соображением, что с роялем удирать труднее. Как бы то ни было, для нас существенно, что ни в том, ни в другом анекдоте не упоминаются духовики. Увы, все, что было в распоряжении древних евреев, – это трубы. Судя по всему, не очень хорошего качества. Сегодня они все-таки усовершенствованы, а тогда... Страдивари к тому времени еще не родился. Нет, не надо делать удивленное лицо. Мы и сами знаем, что он строил скрипки. В крайнем случае – виолончели. Мы просто хотим отметить, что он к тому времени не родился, что чистая правда.

Репетировать евреи тоже вроде не репетировали, во всяком случае, про это ничего не сказано. Иисус Навин опять же отличался множеством достоинств (например, умел останавливать солнце), однако дирижерское мастерство среди них отмечено не было. Короче, когда евреи с превеликим энтузиазмом задудели в свои трубы, то не только окрестное население с ума посходило. Этот концерт длился целых шесть дней, в течение которых завяли финиковые пальмы, зверье разбежалось, а на седьмой день какофония достигла такого уровня, что даже стены не выдержали. Они рухнули. Спустя много лет композитор Шенберг пытался добиться такого же эффекта, но максимум, чего он достиг, так это зубная боль у слушателей.

Сегодня, за неимением стен, основной достопримечательностью города Иерихона служит казино, в котором руководящие чины Палестинской автономии отмыывают гуманитарную помощь.

В общем, это здесь.

Музыки в Израиле очень много и самой разной. Хотите классику – к вашим услугам десяток, а то и больше симфонических оркестров и бесчисленное количество камерных ансамблей. Любители рока и попа (сами мы к ним не принадлежим) тоже не в обиде. Есть еще этнический рок, эксплуатирующий достаточно уникальную ситуацию, где на одном клочке земли одновременно прорастают восточные и западные корни. Тут сразу порекомендуем ансамбль «Бустан Авраам». То бишь «Сад Авраама», где вместе играют и сочиняют музыку евреи из Персии, Аргентины, Турции и Бог знает еще откуда и арабы. Мы большие поклонники этого ансамбля, но и другие не хуже.

В мире классической музыки израильские музыканты занимают вполне достойное место в первом ряду, причем это касается не только струнников. Со времен иерихонского безобразия духовики шагнули далеко вперед, достаточно послушать, как смеется и плачет кларнет Гиоры Фейдмана или как мурлычет фагот Александра Файна.

Что касается балета, то есть и классический (опять же не один), хотя, конечно, вряд ли он конкурентоспособен по сравнению сами знаете с чем, и модернистские труппы, которые, по слухам, очень даже ничего. Ну и наконец, израильская музыкальная жизнь булькает бесчисленными международными фестивалями, из которых следует назвать по крайней мере несколько: «Литургика» – на Хануку и Рождество в Иерусалиме, вокальной и хоровой музыки в арабском селе Абу-Гош, Фестиваль камерной музыки в Иерусалиме под руководством Елены Башкировой, Фестиваль танца в Кармиэле, Гитарный фестиваль в Тель-Авиве, еще где-то Хоровой фестиваль, фестивали джаза и классической музыки в Эйлате, фестиваль клейзмеров (музыка евреев Восточной Европы) в Цфате и, наконец, Израильский фестиваль, большая часть которого посвящена театру, музыке и балету. Что же касается самой музыки (мы имеем в виду так называемую серьезную), то в Израиле она зародилась опять же благодаря евреям из России, среди которых в первую очередь следует вспомнить Мордехая Галинкина. Этот самый Галинкин был дирижером. Как-то, когда Шаляпин должен был выступать в Народном доме в Питере в 1912 году, дирижеры, зная крутой нрав и требовательность великого Федора, все разбежались, один Галинкин не успел. На удивление всем, в том числе и самим участникам этой драмы, дело у них пошло, да так хорошо, что Шаляпин предпочитал выступать именно с ним. Однако же, когда он попробовал заангажировать Галинкина в Мариинском театре, ему вежливо объяснили, что евреям выступать в императорских театрах запрещено законом. Шаляпин очень расстроился за себя, оскорбился за Галинкина и присоветовал ему уезжать: «Порядочному человеку здесь, брат, делать нечего». (А потом и сам уехал.) Вот Галинкин и намылился ехать в Эрец-Исраэль, но предварительно решил набрать денег на создание там оперной труппы. (Это были времена, когда люди не ожидали, что кто-нибудь для них постарается, а сами для других старались, но эти времена прошли.) В апреле 1918 года Шаляпин решил пособить дружку и в том же Народном доме дал благотворительный концерт. Вообще-то он это дело терпеть не мог, утверждая, что бесплатно одни птички поют, но тут уподобился этим тварям Божьим. И не просто уподобился. Когда он вышел на сцену и отверз свою божественную глотку, то две с половиной тысячи человек никак не могли уразуметь, что это такое из нее выходит и на каком языке. А выходила из Шаляпина «Ха-Тиква» – будущий гимн государства Израиль, на языке иврит. А потом Федор Иванович Шаляпин пел еще и песни на идиш.

Вот такая история. В Тель-Авиве Галинкин заложил основы будущей Израильской оперы, которая находится ныне на бульваре Царя Саула.

Говоря о музыкальных связях России и Израиля, необходимо сказать, что так называемая народная израильская музыка (мы оставляем в стороне религиозную музыку) на самом деле является сестрой-близняшкой музыки русско-советской. (Это помимо просто русских песен типа «Ямщика», которые поются с заново сочиненными ивритскими словами и которые израильское население искренне считает плодом собственного творчества.) Удивляться этому не приходится, если принять во внимание национальное происхождение подавляющего большинства авторов советской песни двадцатых-шестидесятых годов: Дунаевский, Блантер, Кац, братья Покрасс и многие другие. Затем в пятидесятых-шестидесятых годах прибавилось влияние французского шансона, чуть позже – бразильской самбы. А потом вырвалась на свободу так называемая кассетная музыка, то бишь мелос выходцев из арабских стран, Марокко (здесь надо упомянуть ансамбль «Естественный выбор» Шломо Бара), Йемена и других, пока все это (как и повсюду) не накрыла волна англо-американского разлива – вот такой коктейль.

Что же касается так называемых серьезных дел, то тут необходимо отличить немецких евреев и назвать имя знаменитого скрипача XX века Бронислава Губермана. Помимо того, что он был великим музыкантом (в 1909 году он первым был удостоен чести сыграть в Генуе на скрипке самого Паганини), он был еще незаурядным человеком. Именно его стараниями

в 1936 году был создан Филармонический оркестр, который с тех пор прочно занимает место в ряду лучших оркестров мира. Его первым концертом дирижировал аж сам Тосканини. За пультами сидели лучшие музыканты Европы, по большей части беженцы из Германии. Каково приходилось им, питомцам утонченной культуры, в ближневосточном захолустье, лучше и не думать, но жизнь сложилась именно так, а не иначе. За дирижерским пультом этого оркестра стояли все великие дирижеры XX века – кроме одного, хотя он страстно сюда рвался. Оркестр не хотел играть с бывшим членом нацистской партии и любимцем фюрера Гербертом фон Караяном. Так и не сыграли.

Сегодня главным дирижером оркестра является другой великий музыкант – уроженец Индии Зубин Мета. В 1981 году оркестр присвоил ему звание своего пожизненного художественного руководителя. Мета – музыкант неукротимого темперамента, роскошный красавец, барин, человек невероятной работоспособности. Оркестр падает, а ему хоть бы что – постоит на голове пять минут и опять руками машет. Потому что йогу знает. «Вы, – говорит он музыкантам снисходительно, – расслабляться не умеете». Действительно не умеют. Но что поделать: здесь жизнь такая.

Смутить Мету не может ничто, даже (был такой случай) расстегнутая ширинка. Но один раз он понервничал, аж белый был. Дело случилось в Зальцбурге на репетиции. В пустом темном зале сидели всего-навсего два человека – Герберт фон Караян и Леонард Бернштейн.

Бернштейн приезжал в Израиль часто – каждый год. Началось это еще в 1948 году, когда он дирижировал, можно сказать, на фронтах Войны за независимость. Между этим человеком и оркестрантами была какая-то удивительная связь, и, на наш невежественный взгляд, ни с кем не играли они так, как с этим невысоким человеком, который за пультом был любовником, шутком, исповедником, диктатором, философом – был самой музыкой. Однажды нам посчастливилось быть на концерте, где в программе была Девятая симфония Малера. Всю последнюю часть Бернштейн простоял на подиуме без единого движения, уткнувшись головой в руки, из которых торчала дирижерская палочка. Никогда ни до, ни позже не приходилось нам слышать подобного: это не было звучанием струнных – со сцены звучал хор. Впервые в жизни мы слышали, как оркестр звучал человеческим голосом. И когда замер последний звук, никто в зале не осмелился пошевелиться, и через несколько бесконечно долгих мгновений Бернштейн, заливаясь слезами, поплелся за кулисы. И лишь когда он скрылся, раздались первые робкие аплодисменты. А потом, конечно, была овация, и Бернштейн смеялся и посылал в зал воздушные поцелуи, и стоял на сцене оркестр, все музыканты которого в этот вечер были гениями.

Эта история долго не давала нам покоя: ведь и мы тоже можем недвижимо стоять на подиуме, уткнувшись носом в палочку. Так почему же с нами они так не сыграют? Что-то было в этом человеке, который нарушал все мыслимые и немыслимые табу, в бисексуале, пьянице, тщеславном эгоисте, что-то было в нем, что заставляло – Бог с нами, слушателями, – прожженных лабухов, видевших и слышавших всех и вся циничных оркестрантов возноситься в мир иной, где из их вполне земных инструментов исходило ангельское пение. Нам кажется, что бы ни творил Бернштейн, покуда Аполлон, так сказать, его не призывал к священным обязанностям, в нем всегда жили две самые главные вещи: полное принятие жизни такой, какая она есть, и чувство любви и сострадания к тем, кто в ней бултыхается, как говорится, без различия пола, веры и расы.

В связи с этим хочется упомянуть о другом великом музыканте – Даниэле Баренбойме, который родился в Аргентине, с младенчества жил и учился в Израиле, а сегодня, как и все музыканты его уровня, живет одновременно всюду. Собственно, мы хотим поговорить о скандале. Скандал очень давно, еще со времен футуристов, а то и раньше, был верным двигателем артистической карьеры. Но в Израиле, тут даже и скандалы особые. Дело в том,

что, гастролируя в Иерусалиме, Баренбойм продирижировал Вагнером. «Ну и что такого особенного? – удивится читатель. – Знаменитый композитор, его повсюду исполняют». Вот тут-то собака и зарыта. Повсюду – да, а в Израиле – нет. Израиль бойкотирует Вагнера. Дело в том, что под музыку Вагнера сожгли очень много евреев. Фюрер страстно любил этого композитора («Я бесконечно многим, – признавался он, – обязан в своем духовном развитии мастеру из Байрета»), а евреев не любил и нашел оригинальный способ совместить эти свои полярные отношения.

Естественно, что никакое дело у евреев не проходит единогласно. Сторонники и противники бойкота не жалеют доводов и аргументов.

Да, говорят противники бойкота, Вагнер был малоприятным типом и даже антисемитом. Его обожал Гитлер. Да, он был официальным композитором Третьего рейха. Да, под его музыку гнали евреев в газовые камеры. Но человек – это одно, а творчество – другое. Опять же: не он виноват в том, что его музыку использовали так, как использовали. Что был антисемит – не очень хорошо, но можно подумать, что Шопен и Чайковский ими не были, так что же – не исполнять Шопена и Чайковского? И, наконец, мы живем в демократическом обществе, и тот, кому не по душе Вагнер, может попросту его не слушать, но другим мешать права не имеет.

Вагнер был не просто антисемитом, отвечают сторонники бойкота, он был идеологом антисемитизма, одним из духовных отцов нацизма. И в доказательство приводят слова самого Вагнера. Поскольку Вагнер писал живо и образно, мы не откажем себе в удовольствии процитировать несколько его пассажей. Итак.

«Евреи – это черви, крысы, глисты, трихины, которых нужно уничтожить, как чуму, до последнего микроба, потому что против них нет никаких средств, разве что ядовитые газы».

(Эта интересная мысль высказана за восемьдесят лет до начала употребления газа в качестве средства для решения еврейского вопроса.)

«Я пришел к выводу, что даже одной микроскопической капли еврейской крови уже достаточно, чтобы человек никогда не смыл с себя позор быть евреем, и он должен быть уничтожен».

(И эта идея была подхвачена, хотя и не совсем: 1/32 еврейской крови прощалась – нацисты оказались гуманнее.)

О своей собственной музыке (об опере «Парсифаль») Вагнер пишет:

«Звуки уничтожения, которые я написал для литавр в соль миноре, олицетворяют гибель всех евреев, и, поверь, я не написал ничего прекраснее».

«Парсифаль – это избавление от Избавителя, ведь в жилах Христа текла еврейская кровь».

Вагнер не ограничился музыкой: он представил в баварский парламент проект уничтожения евреев – это, насколько нам известно, первый план геноцида, представленный официально.

Кстати, это вызвало резкую реакцию Ницше, заявившего, что музыка Вагнера – это «яд, одурманивающий мозг», и написавшего Вагнеру, что он достоин «умереть в тюрьме, а не в своей постели. Вы не человек, Вы просто болезнь».

А как относятся к музыке Вагнера его коллеги-музыканты?

Д. Верди: «Как бы ни было грустно, но мы должны расстаться с музыкой Вагнера, если не хотим, чтобы нас поглотила злая сила».

Г. Нейгауз: «Музыка Вагнера пробуждает худшее».

В. Софроницкий: «В нем меня отталкивают какие-то черты, предвосхищающие самое ужасное у немцев – фашизм».

Но самым убедительным аргументом против разделения Вагнера-человека и Вагнера-композитора являются слова самого Вагнера: «Было бы величайшей ошибкой отделять

Вагнера мыслителя и философа от Вагнера-композитора. Может быть, в других случаях возможно, но в моем нет».

И вот еще что интересно: Вагнер – художник, стоящий на стороне смерти. Прочитав Шопенгауэра, он делает одобрительный вывод: «Его главная идея – окончательное отрицание воли к жизни... Это истинное серьезное желание смерти, бесчувствия, тотального уничтожения».

(Сам Шопенгауэр, прочитав посланный ему Вагнером текст «Нибелунгов», возненавидел его и отослал назад.)

Последнее слово – автору книги «Взлет и падение Третьего рейха» Уильяму Ширеру, лично встречавшемуся с Гитлером, одному из самых авторитетных специалистов по истории, политике и культуре Германии двадцатых-сороковых годов XX века: «Вагнер... создал германское мировоззрение, адаптированное и утвержденное Гитлером и нацистами как свое собственное. Рассмотрение творчества Вагнера лишь в узко-музыковедческих рамках не только сужает наши представления о его громадном значении в эволюции германского общества, но и создает искусственную границу ответственности».

А как же реагируют на исполнение Вагнера те, у кого до сих пор на руке не выцвел номер? Наш знакомец в пятидесятые годы, еще мальчишкой, жил в районе Рехавия в Иерусалиме, районе, где обитало много выходцев из Германии. В доме напротив жила женщина, о которой было известно, что привелось ей пройти через концлагерь. Жила она одиноко, тихо, с соседями общалась мало и неохотно. А в его доме обитал меломан, обожавший слушать классическую музыку, для чего у него имелся патефон и пластинки. И вот однажды теплым летним вечером поставил он на патефон запись «Тангейзера» с той самой божественной музыкой, которую исполнил Д. Баренбойм в своем концерте. И когда поплыли длинные нежные звуки, из дома напротив раздался вой. Этот жуткий нечеловеческий вой затих только тогда, когда машина «Скорой помощи» отъехала на достаточно далекое от Рехавии расстояние. Женщина эта в свой дом не вернулась. Следует, правда, добавить, что любитель классической музыки больше пластинок с записями Вагнера не ставил.

А сейчас вернемся снова к пианисту и дирижеру Даниэлю Баренбойму. Много лет назад он был женат на Жаклин дю Пре – очаровательной рыжеволосой женщине, изумительной виолончелистке. Они много и часто играли с Тель-Авивским филармоническим оркестром. Это была прелестная пара, и те, кому повезло слышать этот дуэт, никогда не забудут ощущение идеальной гармонии, которое вызывала их игра.

А потом случилась беда. Жаклин поразил рассеянный склероз, обрекающий человека на умирание по частям, и не быстрое – долгое умирание. Болезнь длилась и длилась. Однажды Израильский филармонический оркестр гастролировал в Лондоне, в «Альберт-холле». И вот, раскланиваясь на овации, Мета вдруг увидел в проходе кресло на колесах, в котором сидела

Жаклин дю Пре, неподвижное, прикованное к своей каталке существо. Мета поднял руку: «В зале находится большой друг нашего оркестра Жаклин дю Пре. В ее честь мы сыграем любимую ее вещь, «Нимрода» Эльгара». Сказал и повернулся к оркестру с помертвевшим лицом, ибо вещь эта – ужасно печальное, проникновенное, чуть даже траурное произведение.

Жаклин и вправду любила «Нимрода», но в данной ситуации это получалось весьма двусмысленно.

Ходу назад не было, и Мета поднял палочку. Сперва заплакали оркестрантки, потом оркестранты, потом и сам Мета. А когда уплыл последний звук, то Мета не нашел в себе сил обернуться к молчащему залу и так и остался стоять с опущенными руками. И вот тогда в этой тягостной безысходной тишине раздались один за другим два негромких хлопка.

Никто не знает, каким чудом удалось Жаклин дю Пре сдвинуть парализованные сухие руки, но она это сделала. А потом, конечно, были овации, цветы, слезы и всеобщее умиление. К тому времени, как говорят, у Баренбойма, который до самой смерти Жаклин преданно и безупречно вел себя по отношению к жене, был долгий роман с Еленой Башкировой, ребенок у них родился, но даже пресса, все эти папарацци, паразитирующие на знаменитостях, – даже они ни словом не обмолвились, даже у них проснулось милосердие. Сработала, скорее всего, та удивительная магия благородства, которая исходила от этих двух людей.

А теперь вернемся к исполнению музыки Вагнера в Израиле. Как истинные демократы мы, безусловно, согласны с противниками бойкота. Раз они говорят, что это великая музыка, то ее, конечно же, надо исполнять. Но только мы хотим сказать, что людям, прошедшим через ад, к которому великий композитор имел отчетливое отношение, – им ведь осталось жить совсем немного. И если даже одному из них станет плохо оттого, что в этой стране звучит та самая музыка, то можно подождать. Исполнять Вагнера или не исполнять – вопрос не демократии или музыкального вкуса, а исключительно – элементарного милосердия. А когда они умрут, играйте Вагнера с утра до ночи. И кто не любит Вагнера, просто не пойдет на концерт.

Короче, на известный вопрос, совместимы ли гений со злодейством, мы отвечать отказываемся, поскольку свое мнение по этому поводу держим при себе. Оно наше личное. Мы полагаем, что каждый человек отвечает на это самостоятельно.

Мы только не ходим более на концерты великого, действительно великого музыканта Даниэля Баренбойма. Себе, разумеется, в убыток. И не то чтобы мы были уж такими Иванами Карамзовыми насчет слезинки ребенка, мы и сами достаточные сукины дети. Но вот ходить не хочется.

Так о чем это мы говорили? Да, о музыке и музыкантах. А раз так, закончим эту главу двумя благоуханными музыкальными историями.

По случайному (или не случайному) совпадению обе они произошли в Токио. Героем первой был скрипач Московского симфонического оркестра.

Все это происходило в советское время, когда выезжавшим на гастроли за границу музыкантам выдавали сущие гроши в валюте, на которые они отоваривались в дешевых магазинах всякими заграничными диковинками, мрачно пожирая в номерах привезенные с собой консервы и заваривая чай кипятильником в эмалированной кружке. И лишь один из них не бегал по лавчонкам и блошиным рынкам в поисках подарков родным или дешевой электроники, чтоб оправдать поездку. Такое странное его поведение длилось несколько лет, пока после банкета в честь окончания гастролей в Токио он не исчез. Несчастные чекисты с ног сбились, но коллеги музыканта отвечали одно и то же: на банкет поехал он со всеми, а после банкета его никто не видел, да и на самом банкете – тоже. Ночь прошла в истериках и поисках, но все без результата. Нашли его – да, собственно, он сам нашелся – в аэропорту, где тихо поджидал свой оркестр на скамейке. Его, конечно, таскали в КГБ, но из оркестра не выгнали – просто стал невыездным. А о том, что приключилось в ту злосчастную ночь, он рассказал только после падения советской власти. Дело в том, что где-то и когда-то вычитал означенный скрипач, что в Токио находится самый роскошный в мире публичный дом, посещение которого стоило три тысячи долларов (это тогда, в семидесятые, а сколько сейчас – даже трудно вообразить). И вот наш герой решил, что поскольку жизнь человеку дается всего один раз, то попросту обидно умирать, не испытав наслаждения, за которые не только три тысячи долларов отдать не жалко, но даже распроститься навеки с работой в престижном оркестре. За годы прошлых гастролей скопил он нужную сумму, в первый же день сделал заказ, а в последний – сбежал в вожделенную обитель порока и разврата. И вот встречает его там японка дивной красоты, в кимоно как положено, кланяется и ведет в комнату. А в комнате – татами, икебана, все чин чинарем. Привела она его туда, глубоко поклонилась и

ушла. Ушла, а вместо нее пришли целых две японки потрясающей красоты. Поклонялись, раздели нашего героя, затем облачили его в кимоно и отвели в баню. А в бане встретили его две новые японки столь же изумительной красоты. Поклонялись, сняли с него кимоно и начали его мыть. Помыли, обсушили, надели кимоно. И тут пришла японка незабываемой, роскошной красоты, поклонялась и стала поить его чаем. Попил он чаю. Японка поклонялась и ушла. А вместо нее пришли две японки сказочной красоты, поклонялись и стали делать ему массаж. Сделали массаж, поклонялись и ушли. И пришла тогда японка красоты несказанной, поклонялась и проводила его в комнату, где татами и икебана, поклонялась и ушла. И тогда пришли две японки уж просто божественной, нечеловеческой красоты. Поклонялись, и одна принялась поить его разными чаями, а другая – играть на неведомом ему музыкальном инструменте и петь ангельским голосом. Так продолжалось довольно долго, а потом они поклонялись и ушли. И никто не пришел. Ждал он, ждал, а потом поплелся в администрацию. И там выяснилось, что посещение этого лучшего в мире заведения рассчитано на двое суток. В первые клиента поят укрепляющими чаями.

Вторая история приключилась все в том же Токио, на этот раз во время гастролей Израильского филармонического оркестра. (В котором, кстати, уже играли и бывшие оркестранты из Московской филармонии.)

Наш любимый двоюродный брат, играющий в этом оркестре, однажды взял в гастрольную поездку свою жену. Он бывал в Японии неоднократно, а она – никогда, и с его стороны такое решение свидетельствовало о любви, которую он испытывал (и испытывает) к этой незаурядной женщине. Со всей силой и очарованием обрушивается Япония на впервые посетившего ее человека. И вот как-то раз столкнулась его жена в лифте с замечательным скрипачом Лекой.

Лека же был (и остается) не только музыкантом, но и человеком большой душевной красоты и традиционного вильнюсского воспитания. Увидев жену коллеги, он счел своим долгом развлечь ее приятной беседой.

– Ну что, Леночка, – сказал Лека и озарил ее дружественной улыбкой, – вы ведь впервые в Японии, нравится?

– Очень нравится, – пролепетала Леночка, – здесь столько...

– Да... – задумчиво протянул Лека, – первый раз... Я, Леночка, в первый раз попал сюда в семьдесят восьмом году, тогда в оркестре еще Зорик работал. Мы в одной комнате обитались, так мы с ним, Леночка, так водку пили, так в карты играли, из номера не выходили! Да... первый раз в Японии – это незабываемо...

Пока мы излагали две эти истории, у нас возникла в памяти и третья, совершенно прямо относящаяся к нашей теме. Один наш приятель, в Питере живущий, как-то выбрался на рыбалку и сошелся у костра за выпивкой (какая же без этого рыбалка!) с тремя такими же, доселе незнакомыми, фанатами. Ну, выпили они, разговорились и по очереди стали представляться, кто есть кто. Один из них автомеханик оказался, а второй и третий – инженеры. Очередь дошла до нашего приятеля, и он им сообщил, что музыкант он. Краткое молчание повисло в воздухе, и тот, который был автомехаником, подвел этой заминке замечательный итог:

Музыкант – это, конечно, дело специальное. Ведь музыку, ее евреи и изобрели. Чтоб не работать.

Комментарий

Власть и деньги, успех, революция,
слава, месть и любви осязаемость —
все мечты обо что-нибудь бьются,

и большее всего – о сбываемости.

Печально похожи по тексту цитаты
из очерков, писем и хроники:
мечты и надежды – светлы и крылаты,
а сбывшись – горбаты и хроменьки.

Ощущаю опять и снова,
и блаженствую, ощутив,
что в Начале – отнюдь не слово,
а мелодия и мотив.

Еврейской мутной славой дорожа,
всегда еврей читает с одобрением,
как жили соплеменники, служа
любой чужой культуры удобрением.

Сквозь королей и фараонов,
вождей, султанов и царей,
оплавав смерти миллионов,
идет со скрипочкой еврей.

Глава 7

Страна Израиля, она же Эрец-Исраэль, она же Ханаан, она же Палестина, в древнюю пору (как, впрочем, и сейчас) находилась на восточном побережье Средиземного моря, то есть как раз между двумя великими цивилизациями древности – Месопотамией и Египтом. Так что для того, чтобы воевать, торговать и общаться другими способами, эту страну было никак не обойти. Два главных торговых пути проходили по территории Израиля: один – вдоль моря(и, очевидно, именно поэтому назывался Приморским путем), а другой именовался Царской дорогой, чему толкового объяснения у нас нет. А еще существовал так называемый Путь благовоний.

Короче говоря, народы шастали по этой территории туда-сюда и обратно. Понятно, что кто контролировал этот не самый уютный кусок земли, тот и стриг с него купоны. То есть место это все-таки было привлекательным. Но однажды начались кошмарные разборки в северном Средиземноморье, все передрались друг с другом не только на материке, но и на островах. Тут-то всякие симпатичные ребята с этих островов, да еще ахейцы и дорийцы, ионийцы и сардинцы, даже дануну хлынули кто куда, и многие осели в Эрец-Исраэль. Евреи называли их филистим, то есть захватчики, что, как вы понимаете, по-русски будет филистимляне. Вторгнувшись, они стали обустриваться и построили довольно много городов, таких как Ашдод, Ашкелон, Гат, Экрон и, будь она неладна, Газа. Надо сразу признать, что сравнение евреев с филистимлянами будет явно не в пользу первых, ибо филистимляне были люди образованные, организованные и высококультурные.

В то время, когда они сотворяли такие чудеса, как Кносский дворец на Крите, или, умастившись благовониями, вели ученые беседы под доброе вино с изысканной закуской, евреи дикой галдящей толпой шатались по Синайскому полуострову, ели саранчу, и вовсе не исключено, что по ним прыгали песчаные блохи. Кое-как придя в себя после иерихонского концерта, они начали расселяться по стране – племя здесь, племя там. Все это сопровождалось боями местного значения, в которых особо отличился Гидеон, о котором мы рассказывать не будем. Сам виноват: надо было позаботиться и оставить хотя бы парочку достойных туристических объектов. А к тому времени, в котором жил герой и о котором мы непременно расскажем, евреи и филистимляне уже стали жить мирно, а точнее – евреи были под филистимской властью. Что немудрено, поскольку у филистимлян помимо культуры и хороших манер было железо, а у евреев не было ни того, ни другого, ни третьего.

Речь пойдет о настолько известном человеке, что ему в Петергофе даже поставили памятник в виде фонтана из чистого золота. Ну хорошо, из бронзы, но позолоченной. Вот уж кто оставил после себя память вместе с кучей объектов, так это он – Самсон! Для начала: он не брился и не стриг волосы. Это очень удобно. Затем, он был судьей. И наконец, он был здоровущий мужчина – голыми руками разорвал льва (см. фонтан в Петергофе) – и еще был очень изобретательный. Однажды поймал триста лисиц, связал их хвостами, к этим узлам прикрепил факелы и пустил обалдевших зверюшек на филистимские поля, в результате чего пожег не только всю пшеницу, но и виноградники, и масличные рощи. В наше время такой человек называется пироманом.

Разумеется, подобное обращение с животными заслуживает всяческого осуждения (львов, например, в Израиле совсем не стало), но никто Самсону на вид не поставил: уж больно дикого нрава был человек и силы необычайной.

В другой раз Самсон в одиночку поубивал сразу тысячу филистимлян, выбрав для этой цели необычное оружие, а именно ослиную челюсть. Без сомнения, найдутся люди, которые скептически отнесутся к этой истории: ну двух убил, ну десять куда ни шло, но тысячу – это уже фантастика и перебор. А зря: подлинность любой истории легко проверяется нали-

чием небольшой и случайной детали, которую совершенно ни к чему было придумывать. Так вот, в деле Самсона такая деталь имеется. В Библии сказано: «Нашел он свежую ослиную челюсть». Именно указание на то, что означенная челюсть была не высохшая, не какой-нибудь второй свежести, а совершенно свежая, с очевидностью свидетельствует о правдивости этой истории.

Все свои подвиги совершал Самсон в долине Сорек, немного восточнее города Бейт-Шемеша. В этой долине находится очень красивая сталактитовая пещера площадью аж в пять тысяч квадратных метров. Однако главная достопримечательность этих мест располагается на перекрестке Нахшон, где от дороги, ведущей к шоссе № 1 (Тель-Авив-Иерусалим), отходит дорога в сторону Рамле и Лода. Речь идет о киоске около автобусной остановки, где продаются всякие незамысловатые бутерброды, кола, минеральная вода и все такое прочее. Так вот: в конце шестидесятых – начале семидесятых годов прошлого века у этого киоска останавливался не только народ, проезжавший мимо по делам, не только подходили ожидавшие автобуса люди. Сюда приезжали из Беэр-Шевы и Эйлата, из Нагарии и Кирият-Шмоны, со всех концов Израиля тянулись сюда жители, невзирая на палящую жару и невыносимый зной летом и пронизывающий холод и проливные дожди зимой.

Как вы понимаете, не вчерашние сэндвичи и кока-кола манили сюда этих людей. Дело в том, что у женщины, которая торговала в этом киоске, были груди. «Ну и что? – скажете вы. – У всех женщин есть груди – на то они и женщины». – «Ах! – ответим мы вам. – Что вы такое говорите! Есть груди и есть груди! Таких грудей, какие были у этой женщины, не было ни у какой другой, и не видал таких никто – такой невероятной красоты и размера они были».

Счастливы, видевшие это чудо света, утверждают, что были они подобны горе Фавор каждая, другие говорят о двух ведрах донышком вверх, третьи, на манер царя Соломона, сравнивают их с белорунными овцами. В народе они получили прозвище «груди государства». В результате район перекрестка Нахшон стал одной гигантской дорожной пробкой, что вызывало недовольство Министерства транспорта, Управления дорог и полиции. Но никакие меры не помогали, ибо те, кого посылали эти меры принимать, стояли в полной оторопи, не в силах отвести восторженных глаз от Божьего чуда. Все это кончилось из-за мужа, которому, по словам одного из тех, кто своими глазами видел «груди государства», надоело делить их со всем миром. Он продал киоск и увез свое сокровище неведомо куда. С тех пор прошло почти сорок лет. Выросло два поколения людей, не видевших воочию этих легендарных грудей. Но нет человека в Израиле, который на вопрос, чем знаменит перекресток Нахшон, не воздел бы мечтательно глаза к небу и благоговейно выдохнул: «Грудь государства...»

Вернемся, однако, к Самсону. Этот незаурядный человек заслуживает нашего внимания не только благодаря своему буйному поведению и ставшей общим достоянием красивой фразе «Умри, душа моя, с филистимлянами», но тем, что именно в нем впервые проявилась характернейшая черта еврейского народа: влюбленность в чужие культуры. Самсон был по уши влюблен в филистимлян. Собственно, романы между народами – явление достаточно нередкое: роман англичан с Италией и Грецией, например, или русских – с Францией и Германией. Да, среди россиян были и англофилы, и италоманы, но это маргинальные группы, никак не повлиявшие на два главных направления. Романы эти – романы счастливые, и даже временные ссоры (в истории известные как войны) только подбрасывали дров в огонь пылающей страсти. Конечно же, евреи были (и до сих пор остаются) привязаны к местам своего проживания, будь то Чехия или Украина, Аргентина или Италия. Но мы говорим о любви, которая оставляет след на долгие-долгие годы и память о которой не исчезает многие поколения после разрыва. Это не только влюбленность в культуру, это еще влюбленность в образ жизни и, наконец, в самое место. Однако не стоит представлять себе евреев такими Каза-новыми на исторических перекрестках. Особенность еврейских романов заключается в том,

что это всегда была любовь без взаимности. Горькая, безответная, исполненная иллюзий и самообманов, любовь со стандартно плохим концом. Три великих романа – с Испанией, Германией, Россией – оставили в сердце еврейского народа раны, которые не зарубцевались и по сей день. И сегодня при слове «Испания» вздрагивает душа каждого еврея, хотя после разрыва прошло более пятисот лет. Гранада... Толедо... Сантьяго-де-Компостелла... Саламанка... Барселона... Сарагоса... И сжимается сердце, и комок подкатывает к горлу, и все тело томится, как при имени женщины, которую давным-давно, на заре туманной юности любил ты со всей отчаянностью и безоглядностью, отдавая этой любви себя всего, до самого конца, без остатка.

Достаточно часто говорится о способности евреев мимикрировать. В Израиле это особенно наглядно: грузинский еврей – он более грузин, чем еврей (а что такое еврей?), бухарский еврей – чистой воды бухарец, немецкий – такой немец, что тошно, и перечень этот можно продолжить. Только это лишь начало, на поверхностный и первый взгляд. Мимикрируя, животное меняет свой внешний вид, еврей же меняет абсолютно все, включая образ мыслей и работу желудка. Так было с немецкими евреями, с русскими, теперь с американскими. Но испанские евреи всегда оставались сами собой: они никогда не пытались выдавать себя ни за испанцев, ни за мавров. Может быть, именно этой их особенности мы обязаны тем, что только им дано было создать в изгнании то, что зовется золотым веком ивритской поэзии. Не как американские евреи на идише и не на своем повседневном языке ладино – нет, на иврите, на древнем языке предков изливали свои чувства испанские евреи. Они подчеркивали свою особость, в отличие от евреев Германии и России, желавших раствориться в коренном народе, как это делают сегодня многие евреи Америки.

Но, как уже сказано, кроме иврита был у евреев еще один язык – ладино, сохранивший до сего дня вкус и аромат средневекового кастильского языка. Испания была первой любовью евреев, но, как справедливо заметил влюбленному Маяковскому Бурлюк: «Бросили бы вы это дело, Владимир Владимирович, – первая любовь никогда не бывает удачной». (В случае евреев слово «первая» надо убрать.) И все же, несмотря на обособленность, все смешивалось в Испании, и даже кровь.

Направляя клинок в грудь своему ненавистному сводному брату Педро Жестокому, будущий король Испании Энрике воскликнул: «Умри, еврейский выродок!» Он знал, что говорил.

Как ни кичились испанские и португальские гранды своей голубой кровью, но мало можно найти на Пиренейском полуострове аристократических семейств, в череде предков которых не маячила бы еврейская тень. И даже сам Фердинанд (с нумерацией его есть определенные сложности: в Кастилии он был 5-м, в Арагоне – 2-м, а в Сицилии и Неаполе – 3-м), подписавший эдикт об изгнании евреев из Испании, был, так сказать, нечист на счет происхождения. Согласно израильскому закону о возвращении он имел право на израильское гражданство: бабка его с материнской стороны была еврейкой. (Один из авторов, будучи в Гранаде, навел роскошную усыпальницу Изабеллы и Фердинанда – королевской четы, изгнавшей некогда евреев из Испании. Он давно хотел (и тут свою мечту исполнил) кинуть им на надгробие пару шекелей – в надежде, что они узнают таким образом: евреи не только живы, но имеют уже собственное государство.)

В конце XVIII века португальский король под влиянием инквизиции издал эдикт, обязывающий евреев носить зеленые шляпы. Через несколько дней его премьер-министр маркиз де Помбаль явился к нему, держа в руках две зеленые шляпы. В ответ на удивленный взгляд короля маркиз глубоко поклонился: «Согласно эдикту вашего величества. Одна для меня. Другая для вас». Эдикт был отменен.

Как ни странно слышать это нам сегодня, но средневековая Испания была на редкость терпимым государством. В главном соборе Толедо богослужения шли на трех языках:

латыни, арабском, иврите – конфессии по очереди использовали помещение. На надгробной плите доброго короля Фердинанда 1-го, отца Альфонса VI, надпись сделана на четырех языках: латыни, кастильском, иврите, арабском, а сам Альфонс не без гордости называл себя королем трех религий.

Хронисты того недолгого времени называли евреев «позвоночным столбом» испанской экономической жизни. Тацкие фабрики, серебряные рудники, виноделие, ремесла – всюду наблюдалось (и терпелось) веское участие евреев. Уж не говоря о торговле и финансах. Мозговые тресты при испанских королях составляли евреи. А когда изгнали их, то констатировал один хронист нечто важное для нашей темы: «Испанские евреи оставили Испанию очень еврейской, сами они уехали очень испанскими».

Разрыв наметился в связи с объединением страны, когда пало последнее государство мавров, когда отдельные королевства слились в единую империю и все потекло в соответствии с известным рецептом: один народ, одна религия, один язык, один фюрер. И может быть, действительно нет другого рецепта, а тогда уж и подавно не было. В изгнание ушли триста тысяч евреев – пять процентов населения Испании, и, видит Бог, это были не худшие пять процентов. Многие из них осели в Турции. И сказал султан Баязет: «Не понимаю, почему испанского короля называют мудрым владыкой, если он так обезлюдил свою страну, а мою облагодетельствовал». Еще кто-то отправился в Англию, в Голландию. И в XVII веке в период ожесточенных колониальных схваток между Испанией и Голландией среди голландских корсаров было много евреев, которые вели пиратские корабли со свитками Торы на борту. Именно они сожгли Вальпараисо, но разумеется, в будний день – в субботу, как известно, огнем баловаться нельзя.

Однако многие евреи – гораздо больше, чем ушли в изгнание, – остались. Они приняли крещение, а вместе с ним и кличку: марранос – свиньи. С одной стороны – оскорбительную, с другой – защитительную. Ведь первое, что проверяла инквизиция (не за евреями она гонялась – за христианами притворными и христианами неправильного толка), – это наличие свинины на кухне. Многие, очень многие из марранов втайне продолжали соблюдать свою религию. Это они сочинили самую знаменитую еврейскую молитву «Коль нидрей», которую читают евреи в Судный день, умоляя простить им лживые клятвы.

И до сегодняшнего дня в Испании есть семьи, в которых по субботам берут выходной, чтобы не ходить на работу, и зажигают свечи. Эти люди могут быть верующими христианами – но это семейная традиция. Существует забавный аспект марранской культуры: именно им обязана испанская кухня обильному употреблению оливкового масла – марраны не пользовались сливочным маслом в качестве масла для жарки (не кошерно). Существует даже такое блюдо, как «фальшивый окорок»: внешне совершенно свиной, а на деле сделанный из копченой курятины.

Множество великих испанцев родились в марранских семьях. Достаточно назвать Сервантеса (его мать была крещеная еврейка), и даже величайшая испанская святая Тереза из Авилы была из марранской семьи. Тоска евреев по Испании была так велика, что, несмотря на смертельную опасность, около ста тысяч изгнанников вернулись.

А что же сами испанцы, вспоминают ли они этот роман, да и вообще признают ли, что он существовал?

Ответ однозначный: да. Достаточно привести слова Федерико Гарсиа Лорки: «Четыре беса создали Испанию: бес католический, бес барочный, бес цыганский и бес еврейский».

А что же те, кто не вернулся? Как мы уже говорили, они рассеялись по разным странам. Но где бы они ни были, они хранили свой язык – ладино – и пели свои знаменитые сефардские романсеро, в которых еврейские молитвы сплелись с арабскими макамами и кастильскими ритмами. И как самое большое сокровище передается в сефардских семьях из поколения в поколение, от отца сыну ключ от дома там в Хероне... в Севилье... в Толедо... И, как

пятьсот лет назад, сжимается сердце, теснится душа и комок подкатывается к горлу, когда слышишь: Каферес... Кордова... Сеговия... Барселона...

Роман с Россией отличался от романа с Испанией так же, как роман с одной женщиной отличается от романа с другой. Но были и интересные параллели.

Так, до изгнания испанские евреи не скрывали своего происхождения – напротив, даже подчеркивали оное, как и российские евреи до конца XIX века. И так же, как испанские марраны, многие евреи послевоенного Советского Союза пользовались любой возможностью, чтоб скрыть постыдный факт своего еврейства. С другой стороны, российский роман – наиболее загадочный и непонятный из всех трех. В Испании евреи жили полторы тысячи лет, в Германии – чуть ли не две. За это время действительно могут произрасти отношения, может возникнуть симбиоз, развиться чувство причастности.

В России евреи к моменту начала романа жили всего-навсего несколько десятков лет. Вообще-то они появились в России куда как давно: по некоторым сведениям, ими был основан Киев. Но затем при Владимире Мономахе были изгнаны и снова оказались в России лишь благодаря разделу Польши в девяностых годах XVIII века. Россия неожиданно для себя и безо всякого на то желания стала обладательницей самого большого количества евреев в мире.

Об отношении евреев к новому отечеству говорят слова одного из блестящих русских военачальников, героя войны 1812 года – графа Михаила Андреевича Милорадовича: «Без евреев мы не победили бы в этой войне, и у меня не было бы всех этих орденов и медалей». Итак, лояльность, верность, усердие давно были проявлены и замечены, но любовь вспыхнула после реформ шестидесятых годов XIX века. Надо сказать, что накал этой страсти испугал изрядную часть коренного населения. Как писал М. Горькому один из его читателей: «С устранением антисемитизма Россия стала бы благоденственной страной, но евреи были бы там хозяева, а русские – рабы». Евреи этих опасений начисто не ощущали и старались еще больше: мол, непонимание рассеется и любовь расцветет пышным цветом. Мы вовсе не собираемся вникать в сложные отношения евреи – русские. Во-первых, этим и без нас масса народу занимается, что русских, что евреев, во-вторых, вся наша книжка вовсе не про это, а в-третьих, мы говорим исключительно о любовных коллизиях еврейского народа. Так что вернемся, как говорится, к нашим баранам.

Кроме идейных антисемитов и ярых противников этой любви (таких, как Достоевский, например), в русской интеллигенции мы встречаем и филосемитов (Соловьев, Бердяев). Тут надо сказать, что филосемиты в первую очередь были русскими патриотами, которые считали, что антисемитизм вреден русскому народу, поскольку отвлекает его от собственных существенных проблем. И, наконец, были люди нейтральные. Они хотя и не испытывали теплых чувств к докучливому обожателю, но в силах были объективно отнестись к возникшей ситуации. Так, Чехов, например, устами своей героини-библиотекарши признавал: «Если бы не девушки и не молодые евреи, то хоть закрывай библиотеку». А потом пришла революция. Сперва февральская. Потом октябрьская. Тут евреи, так же как и русские, заметно раскололись. Среди участников первого бунта юнкеров против большевиков треть была юнкерами-евреями. Среди вождей противников большевиков – Винавер, Гоц, Мартов. Еврей Канегиссер стреляет в еврея Урицкого. Но ярый антисемитизм Белого движения положил этому конец. Белое движение изгнало евреев, Красное – открыло им объятия. И евреи кинулись в них со всем восторгом. На много, много лет. Мы не будем перечислять всех поэтов, композиторов, ученых, хозяйственников – и, увы, чекистов и партийных деятелей. Они были всюду. Но главное – они уже не считали себя евреями. Самыми яркими преследователями сионизма и иудаизма были члены Еврейской секции ВКП(б). Они в судорогах коллективного энтузиазма пылко строили новый мир, Царство Божие на земле. А когда

дело было сделано, то вдруг обнаружилось: то, что они считали любовью, другие полагали насилием, и России наскучила их назойливая привязанность. А они ведь (это очень важно, и поэтому повторим) ну никак себя евреями не полагали и не осознавали, они напрочь не хотели быть другими и чужими. Пытаясь доказать свою верность, они шли на все, чтобы быть своими для упрямых россиян. Как заметил Михаил Светлов: «Чего они хотят – ведь мы уже и пьем, как они?» Ситуация была жалкой и никак не могла содействовать приятности облика притязателя на сердце России. Эту малосимпатичную черту евреев с горечью подметил философ Карсавин: «Мне стыдно за стыдящихся своего еврейства евреев». Отторгнутые евреи больно переживали свое двойственное положение.

Наш троюродный брат Лодик (царствие ему небесное) был весьма засекреченным конструктором ракетных катеров. В конце шестидесятых израильский фрегат «Эйлат» был потоплен одним таким катером, находившимся на вооружении египетского флота. На следующий день, встретив в КБ своего приятеля (тоже еврея), Лодик растерянно сказал: «Как тебе нравится? Наш катер потопил наш фрегат...»

Принять ситуацию достойно, отказаться от надежды на ответную любовь евреи были попросту не в состоянии. Дело доходило до вещей воистину анекдотических. Так, Владимир Осипов, легендарный русский националист, диссидент, редактор журналов «Вече» и «Община», признался в лагере Михаилу Хейфецу, своему коллеге по заключению, что с идеей русского национализма его познакомил поэт Илья Бокштейн.

То, что ощущали россияне, оказалось остро и точно сформулировано в переписке Натана Эйдельмана и Виктора Астафьева. Трудно было найти русского человека, знавшего и любившего Россию больше Эйдельмана. Автор изумительных книг, тонкий исследователь, блестящий архивист, он дышал Россией, всей ее культурой и историей. И вот однажды написал письмо прекрасному прозаику Астафьеву.

Тут мы с местоимения «мы» перейдем на «я», ибо один из авторов был свидетелем этой переписки.

Много уже лет назад я оказался в числе первых слушателей первого письма. К Тонику Эйдельману я всегда испытывал невероятное почтение, что дружбе нашей изрядно мешало, но тогда – решительно, хотя несвязно и неубедительно – стал возражать. Многие помнят, наверное, что письмо это упрекало Астафьева в некорректности к национальным чувствам грузин – да еще тех грузин, гостеприимством которых он пользовался, будучи в их краях. Я сказал Тонику, что письмо это (еще покуда не отправленное адресату) выглядит неловко: будто некое послание провинциального учителя-зануды большому столичному лицу со смиренной просьбой быть повежливее в выражении своих мыслей. Я говорил и чувствовал, что говорю что-то не то и не по сути, и, конечно, я не был услышан. И письмо было отправлено. А через короткое время (свой ответ Астафьев уже написал, и переписка эта обрела публичность) собирался я из города Пярну возвращаться домой в Москву. Так как приютивший меня Давид Самойлов уезжал в Таллин, то и я с ним увязался. Поэта Самойлова радостно и любовно встречали местные журналисты, и мы очень быстро оказались на какой-то кухне, где уже был накрыт стол для утреннего чаепития. Но Давид Самойлович сказал свои коронные слова, что счастлив чаю, ибо не пил его со школьного времени, и на столе явились разные напитки. Хозяев очень волновала упомянутая переписка, они сразу же о ней спросили; я было встрял с рассказом (Давид Самойлович был сильно пьян, в тот день мы начали очень рано), но старик царственно осадил меня, заявив, что он все передаст идеально кратко. И сказал:

– В этом письме Тоник просил Астафьева, чтоб тот под видом оскорбления грузин не обижал евреев.

И я сомлел от восхищенного согласия. Именно это я пытался тогда сказать Тонику, но все никак не мог сообразить, что именно я высказать хочу.

Ответ на то письмо тогда последовал отменный, до сих пор со смутным удовольствием я перечитываю послание Астафьева, когда оно мне попадаете порой. Это была высокая – наотмашь – отповедь коренного россиянина случайному и лишнему в этой стране еврею. И державно – почвенная злоба и обида за родной народ российский – все в нем было замечательно. Некоторые строки, напоенные сарказмом, непременно приведу, их надо нам читать и перечитывать: «Возрождаясь, мы можем дойти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам «эсперанто», тонко названном «литературным языком». В своих шовинистических устремлениях мы можем дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже приберем к рукам и – о ужас! о кошмар! – сами прокомментируем «Дневники» Достоевского».

Поеживаюсь и сейчас, перепечатывая это. Кто мешает ущемленным местным людям писать собственные песни? Разве, чтобы стать пушкинистом, нужно что-нибудь еще, кроме способностей и готовности к нищенской зарплате? До белого каления раздражает бедного прозаика сам факт еврейского участия и во всем перечисленном, и во всем прочем, не названном.

Но это же как раз и есть еврейская точка зрения, глумливо пояснил мне соавтор: мы их любим и усердствуем, так почему и чем мы так им неприятны? С этим я ошеломленно согласился. Ибо ведь ответной любви – не было и в помине. А что касается замечательных поэтических строчек:

...Особенный еврейско-русский воздух...
Блажен, кто им когда-либо дышал... —

так ведь и это написал еврей Довид Кнут, от россиян такого мы не слышали ни разу.

В семидесятые годы СССР открыл евреям выезд. Это и было началом конца одного из самых волнующих романов еврейской истории. Конечно же, еще и сейчас мы находимся внутри этого процесса. И тем не менее те евреи, которые хотят стать русскими, могут добиться своего. Здесь и крещение, и смешанные браки. Те, для кого важно сохранить свою культурно-национальную особость, – уехали или уедут. И конечно же, есть те, кто, как бы это поприличнее выразиться, хочет и рыбку съесть, и усесться самым приятным образом. Как и свойственно такого рода людям, совершают они эти действия с грацией слона в посудной лавке, с тем замечательным отсутствием малейшего такта и редкостным бесстыдством, которое, увы, заметно свойственно евреям. Это и хасидские радения в Кремле, и хамство нуворишей, это и многое другое, что перечислять нам неприятно.

Сделаем только минутное отступление в генетику – науку, для нас невнятную и темную, но есть у нас гипотеза, которую не высказать нельзя. Когда-то ведь евреи завоевали землю ханаанскую, и мы уже упоминали этот факт. А там издревле жили давние потомки Хама – да, того самого, знаменитого библейского сына Ноя. Легко предположить, что главная особенность этого предка (сделавшая его имя нарицательным) передалась в какой-то степени потомкам. А пришельцы, смешиваясь с местным населением, усвоили черты его характера, слегка ослабив и разбавив их, естественно. Так не отсюда ли явились пресловутые еврейские бесцеремонность и настырность?

Что ж, есть люди, которые сидят на вулкане не из-за отсутствия достоверной информации, а по собственному желанию. И когда вулкан взорвется, им не на кого будет жаловаться, кроме как на себя самих.

Эхо этого романа, раздирающее душу ощущение двойной причастности, принимает порой формы поразительные. Одному из нас однажды позвонила наша давняя общая при-

ятельница и, чуть запинаясь, попросила ей помочь: захоронить прах отца, недавно умершего в Питере. А разговор наш – в Иерусалиме. Речь шла о распылении праха в Иудейской пустыне – такова была предсмертная отцовская просьба. И была всего лишь половина праха – вторую он просил оставить в Питере, в котором прожил свою жизнь и который обожал. А был он физиком, талантлив был необычайно, много сделал для науки и империи, а кто он – осознал на старости, отсюда и такое ярое желание соединиться со своим народом хотя бы в виде части праха. Было нечто символическое в нашем предстоящем действе, и сидели мы в машине молча, подбирая место, чтобы виден был оттуда Иерусалим – это входило тоже в просьбу к дочери. На склоне возле могилы пророка Самуила такое место отыскалось. Дочь вынула из сумочки старый школьный пенал, встряса оттуда горсть серого праха, и ветер аккуратно унес его, развеивая по пустыне. Так советский физик разделил себя посмертно, чтобы обозначить поровну свою любовь и причастность.

Что же до воспоминаний о романе, то российские евреи ничуть в этом не уступают тем евреям из Испании, которые наверняка годами разговаривали о своем прекрасном прошлом (как евреи, вышедшие из Египта). Если в эти разговоры вслушаться, то возникает странная миражная картина: вовсе не было в России просто учителей-евреев, инженеров-евреев, техников-евреев и бухгалтеров-евреев. Были лишь начальники, директора (ну, замы в крайнем случае) – одни лишь командиры и распорядители. И все было доступно им, и все они могли достать. Один из этих устных мемуаристов пожевал губами, вкусно вспоминая, что у него было, и блаженно сообщил: – А какие одеколоны я пил! Что же осталось от еврейско-русского романа? Ответим только за себя. Осталась огромная любовь к этой стране. К ее людям. К ее полям, лесам, городам и деревням. Осталось острое ощущение причастности. К ее истории. К ее душе. И еще песни, которые многие поколения израильтян поют на иврите в полной уверенности, что это исконно израильские песни, и которые мы, надрывшись, поем хором по-русски. Например:

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать.
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона,
Не нужно мне солнце чужое,
И Африка мне не нужна.

Конечно же, не нужна, какая там Африка! Слова Исаковского на музыку положены Блантером.

И еще об одном романе, суть которого можно вполне выразить известными словами: «Ибо сильна, как смерть, любовь». Вот именно: как смерть.

Роман евреев с Германией достиг своего апогея в двадцатых годах XX века. Несколько цифр: в эти годы число смешанных браков с коренным населением достигает сорока пяти процентов. С 1921 года до 1935 активно действует Союз национал-немецких евреев, выступавший на стороне нацистов, разделяя все ценности этой идеологии (за исключением, естественно, одной – мизерной, в сущности, в результате недоразумения...).

Можно сказать, что евреи в Германии появились раньше самих немцев – в IV веке они пришли сюда вместе с римскими legionерами и прилепились к этой земле. Слепотою, вызванной горячей привязанностью, они страдали издавна. Во время Первого крестового похода французские евреи, ставшие жертвой погромов, предупреждают своих немец-

ких соплеменников об опасности, связанной с продвижением крестоносцев через Германию. «Спасибо, – отвечают немецкие евреи, – но с нами этого не случится». Эту свою глубокую веру они пронесут через века, вплоть до печей Майданека, Треблинки, Освенцима.

Немецкие евреи говорили на своем языке. Этот язык, на котором говорили не только они, но затем евреи всей Восточной Европы, отличался от всех других языков, на которых общались евреи в изгнании. И не только тем, что его основой был средневековый немецкий. Он отличался тем, что был единственным, который евреи называли еврейским – идиш. Это удивительный язык, который трогает сердца даже тех, кто, нам подобно, знает на нем полтора-два слова. Как в свое время отметил Ломоносов, у каждого языка есть своя сфера приложения: на испанском с Богом хорошо говорить, на французском – с дамами любезничать, на немецком – ругаться, русский же ко всему пригоден. Поскольку про идиш, равно как про иврит, Ломоносов не написал, мы хотим дополнить наблюдения мэтра российской науки и словесности. Так вот, иврит, как всем совершенно очевидно, – официальный язык Господа Бога. На нем Он диктовал Моисею заповеди, на нем Он говорил с пророками, на нем поносил сынов Израилевых и порой жалел их. Все это Он делает на иврите. Но смеется и плачет Господь на идише...

Роман, бурно расцветший в XX веке, зарождается в первой половине века XIX. Его приметы изрядно схожи с развитием русского романа. Так, дружок Лессинга (и даже прототип главного героя его пьесы «Натан Мудрый»), знаменитый философ Моисей Мендельсон (дед Феликса Мендельсона, композитора), пеняет королю прусскому Фридриху II за «нелюбовь к немецкому языку».

В XIX веке Гейне из своего парижского далека пишет: «О, Германия, возлюбленная моя недостижимая, моя любовь...» И тяжеловесным эхом звучат в XX веке слова Зигмунда Фрейда: «Все мое либидо принадлежит Австро-Венгрии».

Да, именно в Германии (Австро-Венгрия – часть немецкоязычного мира) были написаны основные главы еврейской истории в диаспоре. Именно здесь евреи стали европейским народом. И здесь они (чего не было в других местах) участвовали в создании нации, верными сынами которой себя считали: «Мы немцы Моисеева закона».

XIX век – это обилие еврейских салонов, ставших заметным явлением немецкой культуры. Приведем в пример берлинский салон Рахель Левин. Именно здесь зародился культ Гете. Сюда за честь считали быть приглашенными принцы и дипломаты, поэты и ученые, музыканты и философы. «Великой акушеркой немецкого духа» называли эту женщину. И снова эхом в XX веке звучат слова Томаса Манна: «В еврействе я ощущаю тот же самый артистически романтический дух, который составляет суть немецкого духа...»

А что же думает о себе «великая акушерка», к которой с величайшим почтением относятся лучшие люди нации?

А вот что: «Никогда, ни на одну секунду я не забываю этот позор. Я пью его с водой, я пью его с вином, я пью его с воздухом. Еврейство внутри нас должно быть уничтожено. Это святая истина». Хороший стиль был у фройлен.

В своем старании не только казаться, но и быть немкой она была совсем не одинока. Как правило (евреи все-таки народ пассионарный, то бишь страстный, склонный к крайностям), подобное старание часто доводит еврея до антисемитизма.

«Деньги – ревнивый бог Израиля» – эти слова принадлежат Марксу.

Их там было много – евреев, без которых не только Германия не была бы Германией, но и мир был бы другим: упомянем лишь Фрейда и Эйнштейна.

К концу XIX века евреи Германии селились не только в центральных городах, но и по всей провинции. Как и в России, народ с изрядным недоверием относился к этим людям. Еврейская любовь, как и во всех романах, была односторонней и безответной. Результатом

явились разнообразные проекты, поданные по инстанциям. Самый мягкий из них назывался «Проект о переселении этих паразитических растений в Африку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.